

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ — Сиб.,

Надеждинская, д. 19, кв. 32 а

также въ книж. маг., Вол-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь»

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Катастрофа на переселенческомъ пути.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Томска, Иркутска, Енисейска, Красноярска, Барнаула, съ Алтайско-областной границы, изъ Нукуса и Сыръ-Дарьинской области.—Движеніе переселеній въ Минусинскій округъ. *Петровича*.—Жизнь и труды А. П. Щапова. *И. Ядринцева*.—* * Стихотвореніе. *Омурскаго*.—Сибиряки-мореходы. *Странствующаго Сибиряка*.—Хроника жизни за недѣлю.—Объявленія.

КАТАСТРОФА НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ПУТИ.

Переселенческое движеніе снова въ разгарѣ. Газеты наполнены корреспонденціями и телеграммами. Картина этого движенія болѣе чѣмъ когда либо обращаетъ вниманіе и рисуетъ яркими красками положеніе переселенцевъ. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ телеграмма, полученная на дняхъ:

Томскъ, 24-го іюня, пятница. «Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что съ открытіемъ навигаціи въ Томскъ стали прибывать переселенцы. По 20-е іюня ихъ прибыло болѣе 2,100 человекъ; въ томъ числѣ въ понедѣльникъ—1,200 человекъ, преимущественно изъ полтавской губерніи; есть также выходцы и изъ губерній: рязанской, орловской, тамбовской, казанской, вятской и даже пермской. Изъ прибывшихъ ранѣе, значительное большинство обзавелось лошадьми, или, нанявъ подводы, отправилось частью въ Восточную Сибирь, на Амуръ, во большую часть въ барнаульскій и бійскій округа. Изъ переселенцевъ, не считая прибывшихъ утромъ 20-го іюня, остается въ городѣ десять семействъ, въ которыхъ есть больные, и семь семействъ, неимѣющихъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему передвиженію. Изъ прибывшихъ до понедѣльника, умерло въ городѣ отъ кори, дифтерита и скарлатины шестеро дѣтей, заболѣвшихъ дорогой; пятеро выздоровѣло въ городѣ и 19 (въ томъ числѣ два взрослых) больны въ настоящее время, 20-го іюня. Въ партіи, прибывшей въ понедѣльникъ утромъ, числятся слабые больные незаразными болѣзнями, преимущественно поносомъ, отъ недостаточной и плохой пищи и отъ простуды, и одинъ умершій. Управляющій губерніею, къ которому бѣдствующіе обратились за помощью, не располагая никакими денежными средствами для выдачи переселенцамъ пособій, созвалъ экстренное засѣданіе губернскаго совѣта, въ которое, кромѣ членовъ совѣта, были приглашены городской голова, непрременный членъ приказа общественнаго призрѣнія, инспекторъ врачебной управы и городской врачъ Крейбихъ. Предъ этимъ, врачамъ было поручено осмотрѣть всѣхъ оставшихся въ городѣ переселенцевъ и отдѣлить больныхъ отъ здоровыхъ. Первоначально всѣ переселенцы были помѣщены въ зданіи и на дворѣ бывшаго военнаго лазарета, гдѣ собственно для больныхъ приспособлены двѣ отдѣльныя камеры, причѣмъ снабженіе больныхъ медикаментами, безплатно, возложено на аптеку приказа, а продовольствіе ихъ, а также и дѣтей неимѣющихъ переселенцевъ — на смотрителя больницы, которому выдана на этотъ предметъ небольшая сумма изъ имѣвшихся въ личномъ распоряженіи губернатора денегъ, собранныхъ на благотворительныя цѣли. Медицинская помощь первоначально

была оказана болѣвымиъ врачами: Маткевичамъ, Траховымъ и Акерманомъ, а затѣмъ наблюденіе за ходомъ болѣзней и леченіе больныхъ переселенцевъ возложено управляющимъ губерніею на врача Крейбиха съ состоящими при немъ и прибывшими изъ Омска новыми фельдшерами. Губернаторъ составилъ особую комиссію подъ предѣтельствомъ члена приказа Резанова, изъ товарища городского головы Богомолова, члена управы Пиленкова и врача Крейбиха. Въ распоряженіе комиссіи командированы полицейскіе чиновники. Комиссія немедленно приспособила для здоровыхъ переселенцевъ кирпичные сараи Доулина и для больныхъ выстроила около кирпичныхъ сараевъ особый баракъ, могущій вмѣстить до 70 человекъ больныхъ; въ томъ же баракѣ устроена и кухня. Въ эти помѣщенія переселенцы направляются комиссіею прямо съ пристани, причѣмъ всѣ вновь прибывающія партіи переселенцевъ встрѣчаются, провожаются и ежедневно навѣщаются гг. Резановымъ, Богомоловымъ и Крейбихомъ. Какъ прибывающіе въ Томскъ, такъ и выходящіе изъ города въ дальнѣйшій путь переселенцы, всѣ поголовно свидѣлствуются врачами и членами комиссіи въ состояніи здоровья, и больные немедленно отдѣляются отъ здоровыхъ. Пока въ распоряженіи комиссіи имѣется лишь 1,000 рублей, выданная городскимъ головой Михайловымъ, но понятно, этихъ денегъ болѣе чѣмъ недостаточно, и управляющій губерніею рѣшилъ собрать неотложно необходимыя средства. Въ четвергъ, 23-го іюня, состоялись народное гулянье и спектакль въ пользу переселенцевъ, что доставило нѣсколько сотъ руб. 21-го іюня, рано утромъ, пришелъ изъ Тюмени пароходъ Подаруева «Ершъ», который привезъ баржу «Туру» съ 1,280 семействами переселенцевъ, всего до 3,000 душъ. Эта партія привезла 5 труповъ и 83 больныхъ (взрослыхъ 6 и дѣтей 77) корью, кровавымъ поносомъ и общимъ истощеніемъ отъ голода; во время пріема партіи трое дѣтей умерло. На пути отъ Тюмени до Томска, въ 21 день, на баржѣ умерло 18 человекъ. По осмотру баржи «Туры» комитетомъ, оказалось, что на ней помѣщалось народа гораздо болѣе, чѣмъ она можетъ вмѣстить по количеству воздуха; кромѣ того, всѣ переселенцы заявили, что пароходъ «Ершъ» шелъ очень медленно, и что при отправкѣ было приказано заготовить хлѣба на 12 дней, а прошли они до Томска 20 сутокъ: при недостаткѣ собственнаго хлѣба, ихъ кормили хлѣбомъ, который готовился на пароходѣ. Хлѣбъ ржаной продавали по 3³/₄ коп. за фунтъ, а бѣлый по 5 коп., и притомъ хлѣбъ приготавлился изъ худой и сырой муки. Пароходъ останавливался не въ жилыхъ мѣстахъ, и переселенцамъ не позволялось дѣлать закупки хлѣба и провизіи; при остановкахъ, хлѣбъ закупалъ прикащикъ и продавалъ съ барышемъ, о чемъ пассажиры заявили капитану, который отвѣчалъ: «идѣ же взять?» Обо всемъ этомъ комитетъ составилъ актъ, который подписали члены комитета, капитанъ парохода, подавшій, конечно, опроверженіе

всѣхъ претензіи переселенцевъ, и уполномоченные отъ переселенцевъ. Другой актъ комисія составила о томъ, что пустить здоровыхъ переселенцевъ, направляющихся въ Барнаульскій и Минусинскій округа на той-же баржѣ, безъ радикальной дезинфекціи ея, невозможно, о чемъ и представила на благоусмотрѣніе управляющаго губерніей, который распорядился объ осмотрѣ баржи инспекторомъ врачебной управы, полиціймейстеромъ и адъютантомъ жандармскаго управленія. Изъ прибывшихъ наканунѣ 1,200 человекъ, больныхъ 12, преимущественно холерной и кровавымъ поносомъ.

Изъ этого видно, во-первыхъ, что русскій drank nach östen не прекратился, переселенцы стремятся въ Сибирь съ жадностью. Напротивъ, переселеніе получило острія формы и небывалую напряженность, характеризующую тяжесть испытываемаго ими положенія на мѣстахъ. Во-вторыхъ, видно, что переселенцы, прежде чѣмъ достигнуть цѣли, испытываютъ величайшія лишенія. Положеніе ихъ по истинѣ критическое. Помощи нѣтъ ни откуда.

Перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, по видимому, долженъ былъ облегчить передвиженіе, но эти дары цивилизаціи оказались удобны только не для мужика. Нѣкоторые пароходчики воспользовались случаемъ и вздумали устроить гешефтъ изъ переселенческаго движенія. Мы видимъ изъ телеграммы, при какихъ условіяхъ совершается перевозка. Людей везутъ, какъ скоть, и лишенія переселенцевъ, болѣзни и даже голодъ не трогаютъ сердце сибирскаго Харона. Эта перевозка напоминаетъ скорѣе перевозку „негровъ“ чрезъ океанъ, нежели путешествіе свободныхъ людей въ свою Америку. Даже арестанты и каторжные пользуются нынѣ большими удобствами. Доселѣ безпорядки передвиженій обыкновенно сваливались на переселенцевъ. Но если прежде сибирской администраціи невозможно было услѣдить за ихъ движеніемъ въ одиночку и обозами, то теперь не то: люди группируются. Странно, какимъ образомъ „нагрузка“ 3,000 людей не обратила вниманіе въ Тюмени? Почему тобольское начальство, мимо котораго проходятъ корабли съ переселенцами, не вздумало поинтересоваться способами передвиженія? Какъ видимъ, злоупотребленія обнаружены въ Томскѣ, а не въ Тобольскѣ. Что же дѣлало Тобольское начальство?

Но осмотрѣ баржи „Гуры“, оказалось, что на ней помѣщалось народа больше, чѣмъ она могла вмѣстить по количеству воздуха; пароходъ шелъ невыразимо медленно, вмѣсто 12 дней 20 сутокъ. Обнаружился недостатокъ хлѣба, голодъ. Можно представить, что происходило на баржѣ, когда въ 21 умерло 18 человекъ! Вѣдь это ужасно! Хозяева парохода и ихъ агенты стремились, какъ видно, наивозможно болѣе натолкать народу и больше получить переселенческихъ грошей, а чѣмъ это будетъ окуплено—это было для нихъ все равно. По кто нибудь долженъ же былъ объ этомъ позаботиться! Нельзя же, въ угоду барышей, позволять господамъ Подаруевымъ морить людей. Не мѣшаетъ, кажется, убѣдить господъ капиталистовъ Сибири, что не всѣ средства наживы дозволены, а такъ какъ въ Томскѣ составленъ актъ о безобразіяхъ на баржѣ и подобныя поступки подлежатъ ответственности, то любопытно знать, какой будетъ имѣть исходъ это дѣло.

Въ Европейской Россіи подобныя дѣла вызываютъ слѣдствія, какъ по поводу кукуевской катастрофы; сибирская же Оемида, какъ и администрація, безцеремонна только съ народомъ, но весьма снисходительна къ беззаконіямъ и преступленіямъ тузовъ и богачей.

Осмѣлимся напомнить, что, годъ тому назадъ, точно также одна баржа привезла переселенцевъ въ Томскъ и, обязавшись доставить ихъ тоже въ днѣи 12, протащила ихъ долѣе; тогда также были болѣзны, которыхъ выгрузили на необитаемый островъ. Переселенцы тогда хотѣли подавать просьбу, и все это своевременно было напечатано въ „Сибирской Газетѣ“ и у насъ. Если бы этотъ фактъ заслужилъ тогда вниманіе, катастрофа нынѣ, можетъ быть, не повторилась бы. Но сибирская администрація, и тобольская въ особенности, была весьма ревнива и внимательна къ печати совершенно въ другихъ случаяхъ, но, къ сожалѣнію, не въ этомъ.

Точно также намъ помнится указанія прессы, насколько необходимо было для переселенцевъ устройство ставцій и пріютовъ, какъ и оказаніе медицинской помощи. Въ Томскѣ когда-то, въ той же газетѣ, предлагали построить особые бараки на счетъ города. До какой степени это указаніе было излишне, послужилъ подтвержденіемъ настоящій случай. Баракъ для больныхъ пришлось строить, но наскоро. Точно также печать указывала, до какой степени важна бываетъ помощь нищенствующимъ и терпящимъ лишенія переселенцамъ, до какой степени важно призвать здѣсь общественную помощь и благотворителей.

Сибирскому обществу, болѣе чѣмъ всякому другому, долженъ быть близокъ и понятенъ колонизаціонный вопросъ. Если въ Европейской Россіи находятся противники выселеній, имѣя въ виду, что выселеніе невыгодно для интересовъ землевладѣльцевъ, то для Сибири, переселенія и колонизація—величайшее благо и польза для успѣховъ ея земледѣлія и промышленности. Это должно сознавать сибирское общество, гражданская обязанность и прямой интересъ котораго покровительствовать колонизаціи и привлекать ее. Въ этой колонизаціи всѣ залюги будущаго.

По настоящему, въ Сибири должно быть основано давно общество для покровительства и содѣйствія переселенцамъ. Въ основаніе его долженъ быть положенъ фондъ. Такія общества могутъ имѣть агентовъ и конторы. Подобныя конторы будутъ важнѣе, чѣмъ образуемая изъ чиновниковъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ въ распоряженіи.

Какъ же понимаетъ сибирское общество свою обязанность и насущный интересъ своего края? Мы видимъ, какъ понимаютъ эти выгоды сибирскіе промышленники и капиталисты. Они сообразили только наживу на счетъ несчастнаго „самохода“, переселенца. Эти лица, не слушающіе ни голоса интеллигенціи, ни мѣстныхъ газетъ (они плюютъ на голосъ печати), оказали такую услугу, которая, можетъ быть, отразится на всемъ колонизаціонномъ вопросѣ для Сибири.

Противники колонизаціи укажутъ на эти „позорные“ факты перевозки и скажутъ: вотъ чѣмъ отражается хваленое переселеніе въ Сибирь! Можетъ быть, подобныя злоупотребленія останавятъ даже движеніе. Кто же заплатитъ краю за этотъ ущербъ? Вѣдь этимъ наносится ущербъ прямо странѣ, подрывается ея будущее. Неужели, господа сибирскіе кулаки, вы и за это не отвѣтите?...

Пора сибирскому обществу придти на помощь къ этому вопросу съ своими здоровыми инстинктами. Только сознавая свои гражданскіе интересы, оно станетъ обществомъ достойнымъ благъ цивилизаціи и полноправной политической жизни.

Дополнительныя телеграммы принесли слѣдующія вѣсти: Тюмень, 2-го іюля, суббота. Для помощи слѣдующимъ черезъ Тюмень переселенцамъ, между которыми очень много крайне бѣдныхъ, тобольскимъ губернаторомъ, Владиміромъ Андреевичемъ Лысогорскимъ, образованъ въ Тюмени временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ пароходчика Игнатова. Комитетъ открылъ свои дѣйствія подлинской, давней значительную сумму. Общество отнеслось къ дѣламъ комитета сочувственно. Въ настоящее время, въ Тюмени 539 переселенцевъ, въ томъ числѣ отправляющихся на Амуръ, по вызову, 383 человека. Между ними, больныхъ—взрослыхъ 2, дѣтей 5. По приказанію губернатора, приняты предосторожности относительно больныхъ.

2-я телеграмма, „Сѣв. Телегр. Агентства“, сообщаетъ:

Томскъ, 1-го іюля, пятница, вечеромъ. Генераль-губернаторъ Анучинъ перевелъ въ распоряженіе томскаго губернатора три тысячи рублей для выдачи пособій переселенцамъ, направляющимся на Амуръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ пять тысячъ для переселенцевъ, остающихся въ томской губерніи.

Что касается перваго извѣстія, то мы можемъ замѣтить только что Тобольское распоряженіе напоминаетъ „*toujours plus tard*“. Комитету слѣдовало сформироваться ранѣе. Насколько будетъ этотъ комитетъ постояннымъ и прочно организованнымъ, телеграмма не говоритъ, а объ этомъ не мѣшаетъ подумать.

ХРОНИКА

„Новое Время“, на дняхъ, посвятило статью административному вопросу Сибири. „По слухамъ, говоритъ газета, Восточная Сибирь должна будетъ образовать два генераль-губернаторства; первое будетъ состоять изъ губерній: Енисейской, Иркутской и Якутской области; второе—изъ областей: Забайкальской, Амурской, Камчатской, Уссурийской и Сахалинской. Центральнымъ административнымъ пунктомъ новаго генераль-губернатора назначенъ Благовѣщенскъ. Губернаторы-же областей будутъ помѣщаться: забайкальскій—въ Читѣ, амурскій—въ Хабаровкѣ, камчатскій—въ Петропавловскѣ, уссурийскій—въ Владивостокѣ, и сахалинскій—въ слободѣ Александровской, возникшей въ недавнее время на западномъ берегу острова Сахалина, не въ далекомъ разстояніи отъ Дуэ. Сѣверная граница Уссурийской области, смежная съ Амурскою, будетъ проходить по хребту Цехицырь. Часть Приморской области на сѣверъ отъ Цехицыря отойдетъ къ Амурской, въ которую войдетъ Охотскій округъ, и, затѣмъ, самая сѣверная часть Приморской области образуетъ Камчатскую область“.

„Признаться сказать, говорить „Новое Время“, мы рѣшительно не понимаемъ мотивовъ, которые могли бы вызывать необходимость въ огромномъ и совершенно непроизводительномъ расходѣ на учрежденіе столькихъ новыхъ канцелярій и другихъ административныхъ учреждений въ Восточной Сибири.

„Проектъ учрежденія для Амурскаго и Приморскаго краевъ особаго генераль-губернаторства, правда, давно существуетъ, но его обыкновенно связывали съ упраздненіемъ генераль-губернаторства въ Иркутскѣ. Дѣйствительно, послѣ того, какъ Тобольская и Томская губерніи благополучно просуществовали два года со времени уничтоженія генераль-губернаторства Западной Сибири, нѣтъ никакихъ резонныхъ для сохраненія генераль-губернатора для губерній Енисейской, Иркутской и области Якутской. Первые двѣ, въ политическомъ отношеніи, не отличаются отъ губерній Томской, также граничащей съ Китаемъ, а по части инородцевъ и малой населенности, Якутская область и Туруханскій край не далеко ушли отъ Обдорскаго края.

„Это было настолько ясно, что при управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Игнатьевымъ, состоялось уже повелѣніе объ отдѣленіи Енисейской губерніи отъ генераль-губернаторства Восточной Сибири. Если означенное повелѣніе не исполнено было въ свое время, то по чисто-второстепеннымъ административнымъ соображеніямъ, а именно: предстояло выяснить вопросъ, кому подчинить нѣкоторыя учрежденія въ Енисейской губерніи, напримѣръ,

учебныя заведенія, вѣдавшіяся болѣе или менѣе самостоятельно изъ Иркутска.

„Такимъ образомъ, доказывать необходимость сохраненія генераль-губернаторства въ Иркутскѣ, да еще въ уменьшенномъ противу прежняго объемѣ, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Оно будетъ однимъ изъ ненужныхъ административныхъ тормазовъ, такъ какъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы изъ Енисейска спросить разрѣшеніе прямо изъ С.-Петербурга, придется спрашивать его черезъ Иркутскъ, т.-е. терять понапрасну нѣсколько дней, иногда драгоценныхъ.

„Забайкальская область присоединяется проектерами къ новому генераль-губернаторству, вѣроятно, только ради того, что неловко имѣть особаго генераль-губернатора для населенія въ 100,000, т.-е. такого, какое живетъ у насъ въ столицѣ, въ Казанской и Спасской частяхъ, вѣдающихся нѣсколькими участковыми приставами, хотя людскія отношенія куда какъ сложнѣе и разнообразнѣе въ центрѣ столицы, нежели въ дѣбряхъ Восточной Сибири. Забайкальская область колонизирована русскими еще въ XVII столѣтіи и теперь немногимъ отличается отъ прочихъ русскихъ губерній. Искать въ ней какую-то „политику“, требующую неусыпнаго надзора со стороны высшей мѣстной власти, нѣтъ основанія. Вмѣсто учрежденія подобнаго органа, гораздо производительнѣе было бы построить въ области нѣсколько остроговъ для ссыльно-каторжныхъ, ежегодно разбѣгающихся, отъ недостатка надзора, во все стороны, и снабдить каторжныхъ одеждою, въ которой они, по словамъ газетъ, крайне нуждаются.“

Мысли эти приведены газетою совершенно вѣрныя и давно сознаются въ Сибири. Въ самомъ дѣлѣ, съ отдѣленіемъ Амура, какое значеніе можетъ имѣть генераль-губернаторство въ Восточной Сибири? „Новое Время“ основательно указало, что для Енисейской губерніи административная зависимость есть ничто иное, какъ задержка и пренятствіе въ сношеніяхъ съ министерствами. Для гражданскаго, осѣдлаго населенія Иркутской губерніи также нѣтъ, какъ видно, особенной необходимости въ генераль-губернаторскомъ режимѣ: безъ него могутъ же существовать Тобольская и Томская губерніи. Пограничныя дѣла въ Забайкальской области тоже этого не требуютъ. Но, можетъ быть, находятся еще какіе-нибудь серьезные мотивы для сохраненія генераль-губернаторской власти въ Восточной Сибири? Напримѣръ, надзоръ для Якутской области, какъ отдаленнѣйшей, требующей особыхъ заботъ, а также въ виду сосредоточенія въ Восточной Сибири весьма важныхъ преступниковъ, существованія каторжныхъ работъ и значительнаго контингента ссыльныхъ. Аргументы эти могли бы быть очень дѣйствительны. Но разсматривая дѣятельность генераль-губернаторовъ Восточной Сибири въ этой области, мы видимъ, къ сожалѣнію, всю шаткость такихъ и доводовъ. Оказывается на дѣлѣ, что Якутская область доселѣ ничѣмъ необязана иркутскому генераль-губернаторству, генераль-губернаторы обыкновенно даже не посѣщаютъ ея.

Далѣе, управленіе каторжными и устройство быта ссыльныхъ также не составляло специальности генераль-губернаторовъ, напротивъ, пребывая въ Иркутскѣ, они весьма мало знаютъ, въ какомъ положеніи каторга и ссылка. Все проекты, какіе мы видѣли по тюремному преобразованію и ссылкѣ, не носили ни малѣйшаго слѣда участія генераль-губернатора Восточной Сибири. Положеніе и состояніе каторги разъяснено пріѣзжавшими изслѣдователями и ревизорами: примѣръ С. В. Максимовъ, Власовъ, начальникъ тюремнаго управленія Галкинъ-Вражскій. Изъ генераль-губернаторовъ ни одинъ не выкаль въ предметъ.

Извѣстно, между тѣмъ, что каторга была въ самомъ безпорядочномъ положеніи въ Восточной Сибири, и съ нея до селѣ уходило десятки тысячъ ссыльныхъ въ бѣга. Восточно-Сибирское начальство не придумало никакой организаціи и занятія трудомъ каторжныхъ и ссыльныхъ. Все проекты организаціи чернскихъ работъ вырабатывались въ Петербургѣ, кончалъ послѣднимъ проектомъ, при чемъ же тутъ было генераль-губернаторство Восточной Сибири? Если устраивать бытъ ссыльныхъ и каторгу, то не важнѣе-ли здѣсь создать спеціальное начальство и вѣдомство, завѣдующее ссыльными, которое болѣе принесетъ пользы.

Намъ кажется, что, напротивъ, разнообразныя задачи въ рукахъ одного администратора, какъ командующаго войсками, дипломата, тюрьмовѣда, администратора, не давали возможности сосредоточиться ни на одной изъ этихъ обязанностей. Не особенно цѣнится генераль-

губернаторство даже въ городѣ Иреутскѣ, какъ видно изъ постоянныхъ отзѣвовъ. Оно здѣсь поселило „прискорбное двоевластіе“ со всѣми печальными отъ сего послѣдствіями.

Какъ и слѣдовало ожидать на основаніи предъидущихъ годовъ, съ ранней весны настоящаго года началось переселенческое движеніе въ Сибирь. Изъ цѣлаго ряда корреспонденцій, наполняющихъ столбцы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, беремъ нѣкоторыя, наиболѣе характерно рисующія положеніе переселенцевъ.

Въ „Русскій Курьеръ“ передаютъ изъ Оренбурга:—Едва началось дѣло, какъ потянулись оборванные кибитки, на улицахъ городовъ появились еле-движущіяся, заморенныя фигуры крестьянъ. Возъ ребятишекъ, полунагая жена выглядываютъ изъ печальныхъ колымагъ посреди оставшагося нераспроданнаго хлама. Ни коровы, ни сундука; только одна ненадежная кляченка, задача которой, по всей вѣроятности, окончится вмѣстѣ съ существованіемъ черезъ нѣкоторое, болѣе или менѣе далекое пространство. Случается видѣть то длинныя вереницы, телѣгъ въ 40, то разрозненныя пары; тянутся онѣ съ противоположныхъ концовъ города. Неохотники до разговоровъ переселенцы, но изъ отдѣльныхъ слуховъ можно опредѣлить, что одни уже „пытали“ свою судьбу, и нынѣ снова возвращаются въ свои края.

Изъ Вятки въ ту же газету сообщаютъ:—Постоянное движеніе переселенцевъ черезъ здѣшній городъ особенно усилилось въ послѣдніи двѣ недѣли: не проходитъ дня, чтобы по Московскому тракту не прошло одного или нѣсколькихъ обозовъ, направляющихся въ Сибирь, почти исключительно въ Томскую губернію. Ранѣе проѣзжало много вологжанъ, теперь-же ѣдутъ, главнымъ образомъ, крестьяне Елабужскаго, Сарапульскаго и Котельничскаго уѣздовъ. По отношенію къ имущественной состоятельности, переселенцы изъ Котельничскаго уѣзда преимущественно люди средняго достатка; бѣдняковъ немного; есть нѣкоторое количество относительно состоятельныхъ. Извѣстенъ случай отъѣзда одного, довольно богатаго, солиднаго крестьянина. Отъѣздъ его озадачилъ даже мѣстныхъ жителей; но на всѣ распросы онъ не далъ удовлетворительнаго отвѣта. Кое-кто силится объяснить подобное явленіе стремленіемъ къ безцѣльному бродяжничеству; но подобное объясненіе не выдерживаетъ критики. Главная экономическая причина выселенія изъ Котельничскаго уѣзда заключается въ недостаткѣ, а мѣстами—и полномъ отсутствіи дѣла и покоса.

„Воронежскія Губ. Вѣд.“ заносятъ, что въ 1882 году официально выселилось изъ Воронежской губерніи всего 807 человекъ, противъ 1881 года менѣе на 329 человекъ; изъ этого числа въ Томскую губ.—234, Ставропольскую—125, и область войска Донскаго—109.

Саратовъ лежитъ на одномъ изъ главныхъ путей переселенческаго движенія, а потому, конечно, статистическія свѣдѣнія о числѣ переселенцевъ, прошедшихъ черезъ Саратовъ, представляются неизбежно интересными; къ сожалѣнію, ихъ начали собирать лишь съ 10-го мая и за періодъ, предшествовавшій этому времени, положительныхъ свѣдѣній о числѣ переселенцевъ, шедшихъ чрезъ городъ, не имѣется. О движеніи-же этомъ съ 10-го мая собраны, по словамъ „Саратовскаго Листка“, слѣдующія, вполнѣ достовѣрныя, свѣдѣнія: чрезъ Саратовъ, съ 10-го мая по 4-е іюня включительно, прошло переселенческихъ подводъ—790, семействъ—434; въ нихъ: 754 мужчины, 651 женщина и 1,296 дѣтей. По этимъ даннымъ, средній составъ переселенческой семьи выражается такъ: мужчинъ—1,75, женщинъ—1,75 и дѣтей—2,95, при чемъ на каждую семью приходится 1,8 подводъ. Наибольшій процентъ переселенцевъ, прошедшихъ за это время чрезъ Саратовъ (въ особенности, въ послѣдніе дни), а именно: 39,86 проц. (173 семьи) отправляется въ Семирѣченскую область, наименьшій—въ Уфимскую губернію: 0,69 проц. (3 семьи); затѣмъ 35,64 проц. (159 семей) отправились въ Томскую губернію, преимущественно въ Бійскій уѣздъ; 19,59 проц.—въ Оренбургскую губернію, и 3,22 проц.—въ губернію Тобольскую. По губерніямъ, прошедшіе въ этотъ періодъ времени переселенцы раздѣляются слѣдующимъ образомъ: болѣе всего прошло изъ губерніи Воронежской, а именно: 60,37 проц. (262 семьи); затѣмъ изъ Курской губерніи—29,26 проц. (27 семействъ).—при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть переселенцевъ Курской губерніи идетъ за Уралъ и другими путями; изъ Саратовской губерніи—5,29 проц. (23 семейства), Тамбовской губерніи—2,53

проц. (11 семействъ), Орловской—1,61 проц. (7 семействъ) и Харьковской—0,91 проц. (4 семейства).

„Недѣль“ пишутъ изъ Бирска (Уфимской губ.):—„Переселеніе на новыя мѣста“ приняло, повидимому, характеръ эпидеміи... Ежедневно черезъ нашу мѣстность тянутся цѣлыя обозы покидающихъ свою родину переселенцевъ. Замѣчательно, что и въ нашей губерніи точно также началось движеніе переселенія, чего прежде и слыхомъ не было слышно; теперь-же массы жителей нашего края начали переселяться въ Тобольскую губернію. Причиной переселенія изъ нашей губерніи вполнѣ справедливо можно назвать былую раздачу земель Оренбургской и Уфимской губерній чиновникамъ и разнымъ другимъ лицамъ на льготныхъ условіяхъ. Новые землевладѣльцы стали вышата арендную плату за землю годъ отъ году—и вотъ теперь наступилъ кризисъ. Подумать только: въ нашемъ обширѣйшемъ краѣ мужику негдѣ жить, изъ нашихъ благословенныхъ палестинъ онъ вынужденъ переселяться въ далекую Сибирь“.

Фактъ этотъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что переселенцевъ, шедшихъ въ Сибирь, стремились усиленно привлекать въ Уфимскую и Оренбургскую губ., и этимъ, кажется, усиленно занималась, какъ писали, переселенческая контора.

«Новоявленный потомокъ Ермака». Недавно въ одной столичной газетѣ сообщенъ слѣдующій курьезъ: въ числѣ посольствъ, прѣхавшихъ по случаю священнаго коронованія изъ Азии, прибылъ и одинъ изъ потомковъ покорителя Сибири, Ермака Тимофѣевича—артиллерій полковникъ Путимцевъ, сопровождавшій хивинскую и бухарскую миссіи въ Москву. Полковникъ будетъ сопровождать обратно наслѣднаго бухарскаго принца, а затѣмъ вернется въ Ташкентъ“.

Мы не знаемъ, кто подшутилъ надъ петербургской газетой и кому интересъ былъ выдавать г. Путимцева (т. е. Путинцева) за потомка Ермака. Кажется, не разъ заявлялось, что у Ермака не только не осталось, но и не могло остаться потомковъ, такъ какъ о его существованіи въ Сибири показаній нѣтъ. И такъ, по какой же линіи г. Путинцевъ приходится потомкомъ? Далѣе, надо замѣтить, что г. Путинцевъ принадлежитъ къ сибирскому казачьему войску,—войску позднѣе образованному, а если гдѣ и могли остаться Ермаковскіе казаки, то развѣ въ числѣ городовыхъ тобольскихъ и березовскихъ, но никакъ не въ станицахъ Аемолинской области. Замѣчательно, что мнимый потомокъ не опровергъ этой мистификаціи, а между тѣмъ, трудно повѣрить, что прославленіе его осталось ему неизвѣстно. Но для чего все это? Можно не быть потомкомъ Ермака и быть хорошимъ полковникомъ артиллеріи, какъ и на оборотъ, происходить отъ Ермака и...

Въ добавленіе къ исторіи „откушеннаго уха“ въ одномъ градѣ, мы получили свѣжія новости. Ухо оцѣнено въ 300 р., которые и вручены обиженной, чтобы она не поднимала дѣла. Дѣло это, при настоящемъ судебномъ разбирательствѣ, мировой не могло окончиться. Далѣе, въ городѣ господствующая партія защищаетъ не потерѣвшую, а кусальщицу. Съ настоящей виновницы даже снимаютъ вину, говорятъ, что откусила ухо не та В., которая откусила, а другая старушка В., весьма строитиваго характера. Можно было бы этому повѣрить, но вотъ бѣда: у старой В. и зубовъ-то не оказалось. Значитъ, и тутъ защита не помогла. Мѣстная печать могла бы добратся и разъяснить, кто-же, наконецъ, откусилъ ухо, которая В.; но и здѣсь бѣда: слово „ухо“ не допускается болѣе въ мѣстной печати. Охъ, ужъ эти уши!

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Томскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Коронаціонное празднованіе началось у насъ 15 мая, такъ какъ телеграмму здѣсь получили 15 мая въ 7 ч. вечера. Изъ ассигнованныхъ думой на вышеозначенный предметъ денегъ, произведена была расчистка соборной площади (что противъ казармъ), на которой были устроены временный театръ, балаганъ (для представленія же), карусели, качели, столбы и съ трехъ сторонъ ворота съ везелями и площадками; вокругъ всей площади сдѣлана была гирлянда изъ пихты, прикрѣпленная къ столбикамъ. Дума, присутственныя мѣста и учебныя заведенія были украшены флагами, везелями, коврами и гирляндами. Съ самаго ранняго утра, несмотря на вѣтеръ и холодную погоду, по улицамъ массами сталъ показываться народъ, направлявшійся къ собору, куда къ 11 часамъ съѣхались духовенство, купечество и чиновничество. Потомъ началось шествіе изъ кафедральнаго собора къ Иверской часовнѣ, а оттуда на соборную площадь (вновь строящагося собора). Въ шествіи участвовали, кромѣ духовенства и публики, ученики и ученицы приходскихъ городскихъ, ремесленнаго, духовнаго и уѣзднаго училищъ, воспитанники и воспитанницы гимназій и семинарій; за ними шли депутаціи вольнаго пожарн. общест. со знаменемъ, ремесленнаго—со значками, мѣщанскаго, члены управы и гласные гор. думы. Настоящее гулянье началось въ часъ дня; нѣсколько тысячъ народу составляло необычайную пестроту. Это былъ простой народъ, ликование котораго было беззвѣтно. Въ воздухѣ раздавалось тысячекратное „ура“, и тысячи картузовъ и шапокъ взвивались надъ головами. Слышались благословленія, посылаемыя по адресу коронующагося Монарха; одни отъ избытка радости, плакали, другіе, въ ожиданіи манифеста и милостей, усердно крестились. Въ 6 часовъ вечера, мѣстными актерами Великановымъ, Херсонскимъ и другими дано было даровое представленіе: 3, 4 и 5 дѣйствія исторической драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“ и народный водевиль „Филатка и Митрошка“. Публика, отдаваясь настроенію среди представленія кричала „ура“, хлопала въ ладоши и добродушно, съ дѣтской наивностію, закатывалась смѣхомъ. Болѣе десяти разъ былъ повторенъ гимнъ „Боже Царя храни“. Томичи еще ничего подобнаго не видали.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Богъ вѣдаетъ, что такое творится съ нашей городской управой. Не проходитъ почти ни одного засѣданія думы, чтобы не открылись какія-нибудь прорухи со стороны ея исполнительнаго органа. Большая часть вопросовъ вносится въ думу или вовсе безъ разработки ихъ городской управой, или же съ самой плохой разработкой и безъ заключеній. Думѣ, вмѣсто того, чтобы обсуждать готовый уже проектъ, приходится самой придумывать рѣшенія, а иногда даже рыться въ дѣлахъ, отыскивать справки и тратить на нихъ время. Но это пока только канцелярскій беспорядокъ. Есть факты и поважнѣе. Въ вашей газетѣ, кажется, была уже напечатана некрасивая исторія съ ренсковыми погребками. По этому предмету требовались объясненія отъ кого слѣдуетъ. Объясненія были заслушаны въ думѣ не въ такомъ составѣ, какой требуется для дѣлъ подобнаго рода, и по нимъ не сдѣлано никакого заключенія. Теперь дѣло это, кажется, уже забыто. За то выспылаютъ другія въ томъ же родѣ.

Въ городской думѣ уже нѣсколько лѣтъ производится дѣло о новой пристани на Троицкомъ перевозѣ. По этому дѣлу было представлено нѣсколько проектовъ и нѣсколько различныхъ мнѣній. Въ 1882 г. дума, наконецъ, утвердила одинъ изъ этихъ проектовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и поручила управѣ составить, на основаніи

его, чертежъ и смѣты, съ тѣмъ, чтобы нужныя на работу деньги были внесены въ роспись 1883 г. При разсмотрѣніи росписи, дума включила въ нее исчисленную по смѣтѣ сумму и распорядилась произвести самыя работы въ лѣто нынѣшняго года. Были уже, кажется, сдѣланы и торги. Но вдругъ отъ одного изъ гласныхъ, хорошо знакомаго съ положеніемъ перевоза, поступило заявленіе, что пристань предполагается строить не такъ, какъ слѣдуетъ. Думѣ пришлось вновь, Богъ знаетъ, въ который уже разъ, разсматривать это дѣло,—и что-же оказалось? Что чертежъ и смѣты составлены не на проектъ, утвержденный думой, а на проектъ, измышленный самимъ архитекторомъ. Дума подтвердила прежнее рѣшеніе, но время упущено (прошелъ цѣлый годъ послѣ перваго рѣшенія); чертежи и смѣты придется сочинить вновь, а слѣдовательно, отдалить и производство торговъ, и этихъ или вовсе упустить время, удобное для работъ, или же сдѣлать неизбежную при всякихъ экстренныхъ работахъ передачу въ цѣнѣ. Значить, дѣло или ни на шагъ не подвижется, или дорого обойдется городу.

Вамъ уже извѣстно дѣло о городскомъ планѣ. Въ послѣднее время, казалось, оно пошло на ладъ. Управа пріискала техника, вошла съ нимъ въ соглашеніе о составленіи плана и представила въ думу объ открытіи кредита въ 2,000 р. Городской архитекторъ далъ письменное обязательство наблюдать за составленіемъ плана. Кредитъ былъ разрѣшенъ управѣ. Между тѣмъ, медленность въ составленіи плана обратила на себя вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ; отъ губернатора была получена бумага, которою назначалось собрать особое засѣданіе думы для разсмотрѣнія этого вопроса. Засѣданіе предложено было открыть 21 и 31 марта, но оно и въ половинѣ апрѣля не было назначено, и только случайно, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, бумага губернатора сдѣлалась извѣстной думѣ. При этомъ выяснилось странное обстоятельство. Управа, получивъ кредитъ отъ думы, заключила контрактъ съ избраннымъ ею техникомъ и уже начала выдавать ему жалованье, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ архитекторъ подалъ отзывъ, что онъ отъ наблюденія за составленіемъ плана отказывается. Управа, вмѣсто того, чтобы заставить его платить по векселю, т.-е. исполнить принятое на себя обязательство, отказала прежнему составителю плана и наняла другого; но при этомъ, вмѣсто 8 мѣсяцевъ, какъ было условлено съ первымъ, составленіе плана разсрочено на два года (по 1 января 1885 г.) и вмѣсто 2 т. р., разрѣшенныхъ думой, должно будетъ стоить уже до 5 т. р. Управа разсудила, что кредитъ въ 2 т. р. открыть ей только на нынѣшній годъ, а на будущій она можетъ испросить новый. Дума подтвердила управѣ, чтобы она ограничилась кредитомъ въ 2 т. р. Не знаю, какъ ухитрится управа исполнить это. Между тѣмъ, прежній составитель плана не возвращаетъ управѣ выписанныхъ собственно для нивелировки города и сданныхъ ему цѣнныхъ инструментовъ. Предстоитъ новая переписка, а можетъ быть, и новая задержка въ составленіи плана. Любопытно, что изъ „техниковъ“, приглашенныхъ составить планъ, первый былъ канцелярскій служитель, служившій въ военной литографіи, а другой—технологъ, кончившій курсъ по химическому отдѣленію. Строительное дѣло, значить, одинаково знакомо обоимъ. Кстаті прибавлю, что по губернаторской бумагѣ о планѣ такъ и не постановлено рѣшенія; а между тѣмъ, въ этой бумагѣ высказанъ упрекъ думѣ въ непростительномъ бездѣйствіи въ составленіи плана *).

*) Въ сущности, составленіе городского плана—прямая обязанность городского архитектора; но нынѣшній архитекторъ, получающій неслыханное для губернскаго города жалованье въ 3 т. р., не только не принялъ на себя составленіе плана, но, какъ мы видѣли, отказывается и отъ наблюденія за этимъ.

Енисейскъ (корресп. „Вост. Обозр.“), 2 мая 1883 года. Вопросъ о проведеніи канала между Кетью и Касомъ, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій и сомнѣній, сталъ на твердую почву: пріѣхалъ молодой инженеръ, по фамиліи, по свѣдѣніямъ здѣшняго казначейства, Баденко, который въ дѣйствительности, по представленіи, оказался не съ этою фамиліею, а съ какою-то другою подходящею, вслѣдствіе чего казначей отказалъ въ выдачѣ ему денегъ, которыхъ поручено выдать 15,000 рублей. Это мнѣ напоминаетъ подобную же ошибку при посылкѣ суммъ для вновь открывавшихся отдѣленій Государственнаго Банка, которыя были посланы не въ Красноярскъ, куда бы слѣдовало, а въ Енисейскъ, считавшійся столичными чиновниками губернскимъ городомъ. Инженеръ пріѣхалъ пока одинъ, для предварительныхъ распоряженій по устройству работъ; главный же руководитель ихъ, бывший при изслѣдованіи этого водораздѣла, баронъ Аминовъ, будетъ сюда въ концѣ мая, а работы начнутся съ 15 іюня и будутъ продолжаться во все лѣто, для чего предполагено нанять 300 человекъ рабочихъ. Пріѣхавшій инженеръ, повидимому, человекъ въ первый разъ въ Сибири и поэтому незнающій здѣшнихъ условій и порядковъ: такъ, напримѣръ, онъ предполагаетъ нанять народъ здѣсь въ городѣ, отчего, при недостаткѣ въ настоящее время свободныхъ людей въ немъ, неизбежно въ это число попадутъ люди слабосильные, такъ-называемый бракъ, который не годился и для золотопромышленности; а затѣмъ, наемка эта можетъ лишитъ городъ необходимыхъ работниковъ, которые могутъ прельститься назначаемымъ жалованьемъ, хотя оно еще и не опредѣлилось, такъ какъ назначаемые рабочими 30 рублей въ мѣсяць, на казенномъ содержаніи, показались инженеру высокими. Въ дѣйствительности же цифра эта невелика, потому что нашъ присланный рабочей получаетъ 25 рублей въ мѣсяць на хозяйскомъ содержаніи, да и работы на каналѣ будутъ не менѣе обременительны, чѣмъ на промыслахъ. Если гдѣ можно дешевле нанять рабочаго, такъ это въ округѣ, въ волостяхъ Еланской, Вѣльской и другихъ, близко лежащихъ къ мѣсту работъ, которыя предполагено начать съ обоихъ концовъ, т.-е. съ Кети и Каса. Крестьянинъ, находясь близъ мѣста своего жительства, охотно пойдетъ на каваль, да и работникъ этотъ будетъ надежнѣе. Принасы г. инженеръ предполагаетъ доставлять отсюда, что также нераціонально и будетъ стоить дорого, тогда какъ хлѣбъ и мясо можно достать близъ мѣста работъ, такъ какъ въ прошедшее лѣто вездѣ хлѣба родились хорошіе, за исключеніемъ лишь мѣстности по Касу, гдѣ хлѣбопашество вблизи его почти не производится, но хлѣбъ сюда можно доставить на лодкахъ изъ Енисейска, или изъ деревни Назимовой. Мясо же, въ случаѣ надобности, можно доставить и отсюда, но не въ солоникѣ, какъ предполагалъ г. инженеръ, а на ногахъ, такъ что рабочіе будутъ всегда имѣть свѣжее мясо; можно бы даже имѣть мясо изъ Томскаго округа на пароходахъ, которые нынѣшней весною пойдутъ въ Кеть, съ товарами для енисейскихъ купцовъ. Лѣсу предполагено заготовить подряднымъ способомъ 2,000 деревьевъ; на всѣ расходы въ нынѣшнемъ году ассигновано 300,000 рублей—сумма довольно значительная. Судя по ея величинѣ, число предполагаемыхъ рабочихъ слишкомъ ограничено. Наши торговцы, съ открытіемъ работъ, предполагаютъ двинуть туда свою торговлю и открыть тамъ лавочки. Къ помѣхѣ для работъ можно пока отнести холодную весну, отчего еще до сихъ поръ не вскрылся Енисей, который, по народномъ примѣтамъ, или не достоятъ до Егорьева дня (23 апрѣля) недѣлю, или перестоитъ столько же; къ тому же опасаются наводненій, такъ какъ снѣга еще вездѣ большіе, а въ особенности—въ верховьяхъ Енисея.

Красноярскъ (корр. „Вост. Обозр.“). Несмотря на всѣ „экстры“ и „вразумленія по сущей совѣсти“, наше общество времени оживляется

и начинаетъ поговаривать... Да и пора! Не все же лежать на боку такая несуразная общественная немочь никогда не ведетъ къ добру. И что всего отраднѣе—наитіе пробужденія послѣдовало внезапно и дружно проникло во всѣ слои общества. Молчать развѣ только тотъ, кто лишенъ языка отъ природы. Но начнемъ по порядку. Вамъ извѣстно, какіе печальные толки возбудила постройка нашей злополучной женской гимназіи. Всякая надежда имѣть гимназію была потеряна для насъ, въ особенности послѣ того, когда по случаю, вѣроятно, сильныхъ жаровъ, слѣдствіе о растратѣ гимназическаго капитала было прекращено и изъ капитала этого оставались только, въ назиданіе намъ, негодный кирпичъ, мусоръ и щебень. Но нашелся благодѣтель и пожертвовалъ на гимназію 40 т. руб. Сумма эта, конечно, опять поступила въ непосредственное распоряженіе попечительнаго гимназическаго совѣта, но на этотъ разъ совѣтъ отнесся къ ней съ бѣльшимъ вниманіемъ: прежде, чѣмъ приступить къ постройкѣ, пригласилъ частнаго архитектора, г. Арнольда, для составленія плана и сметы. Г. Арнольдъ представилъ планъ на 43 т. руб., восхитившій всѣхъ и, дѣйствительно, по дешевизнѣ, цѣлесообразности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изяществу, не оставляющій желать ничего лучшаго. Конечно, совѣтъ одобрилъ и принялъ его, условившись съ г. Арнольдъ о гонорарѣ за трудъ, какъ по составленію плана, такъ и по наблюденію за постройкой, въ размѣрѣ 4 т. руб. Оставалось только, благословясь, приступить къ дѣлу, но не тутъ-то было! Къ услугамъ совѣта, по инициативѣ одного представителя губернскаго „центра“, явился помощникъ губернскаго архитектора и предложилъ вести постройку по своему плану за 1,500 руб. Предложеніе это было поддержано однимъ только членомъ совѣта (изъ 15), купцомъ Н. Г. Гадаловымъ, который даже послалъ телеграмму къ генералъ-губернатору, протестуя противъ назначенія г. Арнольда строителемъ и ходатайствуя за г. Эрѣ, какъ болѣе компетентнаго и дешеваго. И вотъ, на сцену выступилъ режимъ, и губернской „центр“ поручилъ планъ г. Арнольда, для разсмотрѣнія, тому же архитектору. Послѣдній, разумѣется, планъ забраковалъ: нашелъ, напр., неудобною террасу на улицѣ, съ которой, по мнѣнію его, гимназистки могутъ бросать въ проходящихъ разные предметы: жеванную бумагу и т. д. (!). Постройка затормозилась на неопредѣленное время.

Барнаулъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Часто слышатся жалобы, что городскія общественныя управленія находятся въ жалкомъ положеніи, коль скоро они попадаютъ въ руки самодурнаго купечества и купно старыхъ чиновниковъ, стѣжавшихъ себѣ нелестную извѣстность прежнею службою и дѣятельностію, и вождѣющихъ теперь общественной кормежки. Эти послѣдніе дѣятели болѣею частію адвокаты „темнаго царства“, знающіе всю подноготную своихъ кліентовъ: они и нужны имъ, и страшны для нихъ, поэтому тѣ никакъ не могутъ отрѣшиться отъ нихъ и въ общественномъ дѣлѣ, еслибъ того и пожелали. Въ такомъ положеніи стоитъ дѣло у насъ. Кто слѣдилъ за выборами гласныхъ, головы и членовъ городской управы два года назадъ, тотъ припомнитъ, какъ подбиралась дума преимущественно изъ торговцевъ и указанной категоріи чиновниковъ, и какіе выкидывались пассажи, чтобы устранить независимыхъ и неспокойныхъ изъ состава думы и управы. Достаточно указать на фактъ, когда нынѣ существующій по вторичному выбору городской голова, въ день избранія его, принявъ должность, вечеромъ въ тотъ же день отказался отъ нея, увидѣвъ неподходящій для него составъ управы. Затѣмъ, въ продолженіи года занимались препирательствами и разными личными дразгами съ озлобленными своими адвокатами, пока яблоко раздора, самый ядовитѣйшій изъ нихъ, почуввавъ неминуемую гибель, подъ предлогомъ отъѣзда въ Петербургъ по какимъ-то дѣ-

ламъ, не отказался отъ должности члена управы. Послѣ этого въ думѣ и управѣ настало полное затишье!.. Развѣ какая-нибудь разумная голова подниметь соответственный злобѣ дня вопросъ о преслѣдованіи корреспондентовъ, осмѣливающихся взбаламучивать стоячее болото. Но тихій омутъ не всегда спокоенъ, какъ кажется; время отъ времени, на кажущейся гладкой поверхности забулькаютъ пузырьки, которые означаютъ, что карась задремалъ, а щука не спитъ...

Съ Алтайско-областной границы (корресп. „Вост. Обозр.“), 30 апрѣля 1883 г. „Киргиза бій Себе, обвиняемаго въ кражѣ 6-ти лошадей у крестьянина Изотова, какъ несознавагося и при слѣдствіи неизобличеннаго, оставить отъ суда свободнымъ“. Вотъ, большей частію, рѣшеніе нашихъ до-реформенныхъ судовъ. Неутѣшительна эта фраза для Изотова, лишившагося рабочей силы и принужденнаго послѣ этого идти въ батраки. Велико зло, наносимое киргизами Смиалатинской области населенію Алтая, а искоренить его некому. Приходится удавляться, какъ какому-нибудь Х., облеченному, сверхъ нисемоводительства, нѣкоторой властью, достаешь духу кричать о захватахъ, дѣлаемыхъ яко-бы крестьянами у киргизовъ, а нѣкому М.—сбивать съ толку честныя побужденія г. Б. Захваты, дѣйствительно, закономъ воспрещены, и явленія эти крайне нежелательны; но при всемъ этомъ нельзя не сказать, что они-вынужденныя.

Киргизскіе ковры столь приманчивы, что крестьянское населеніе не находило себѣ поддержки или содѣйствія ни въ погонѣ за конокрадами, ни въ преслѣдованіи ихъ законнымъ путемъ, и поневолѣ ставилось въ необходимость наверстывать покраденое путемъ болѣе или менѣе нелегальнымъ. Для суда сибирскаго нужны доказательства довольно вѣскія, а слѣдствіе по конокрадству, да еще сплошь и рядомъ извращенное, не всегда вырабатываетъ таковыя,—бывали случаи, что обѣлялись пойманные на мѣстѣ преступленія; чтобъ получить расплату или хотя часть похищеннаго, необходимо ждать годы и дарить. Поэтому, населеніе невольно пришло къ тому заключенію, что больше ничего не остается дѣлать, какъ захватить скотъ у заподозрѣннаго аула на большую сумму, послѣ чего послѣдній неминуемо долженъ выдать воровъ или расплатиться. Ненормальность этого способа очевидна, но пусть судить читатель, кто виноватъ въ этомъ. Когда у человѣка остается въ перспективѣ одно—идти въ батраки, то что ему остается дѣлать? И вотъ, при такихъ условіяхъ, идутъ изъ года въ годъ ненормальныя отношенія между крестьянами и киргизами; администраціи исписываютъ кипы бумаги, доводя одна до свѣдѣнія другой о кражѣ лошадей киргизами и захватѣ крестьянами, но устранить такія отношенія не въ силахъ.

Надоѣла-ли эта нескончаемая переписка областной администраціи, или же по внушенію свыше, но нынѣ начальникъ Устькаменогорскаго уѣзда (котораго ковры не прельщаютъ) энергично принялся вырѣшать основательныя, по его убѣжденію, претензіи крестьянъ къ киргизамъ, и многихъ крестьянъ удовлетворилъ, но... сбитый людьми, которымъ не по вкусу такая развязка, (ибо рутинный способъ даетъ своего рода выгоды отъ киргизовъ), многія просьбы возвратилъ съ довольно неосновательными надписями. Нѣкоторыя изъ просьбъ ушли къ-стенному генералъ-губернатору, съ поясненіемъ неосновательности отказа, а другія ожидаютъ пріѣзда начальника. Населеніе, судя по Зайсанской поѣздкѣ, глубоко убѣждено, что генералу крайне нежелательно будетъ получать во время поѣзда претензіи неудовлетворенныя 5—7 лѣтъ. Дай Богъ, чтобъ настроеніе начальника областей не измѣнилось и чтобъ предполагаемая въ августѣ поѣздка не разстроилась.

Все это, конечно, наши предположенія; но если бы онѣ оправ-

дались, тогда, само собою, нѣсколько унялись бы грабежи и послѣдствія ихъ—захваты.

Ко всему этому было бы желательно, чтобы 18 ст. XV т. была оставлена въ покоѣ, ибо никто такъ скоро и основательно не удовлетворить претензіи крестьянъ, какъ администраціа киргизская, своимъ порядкомъ. Чѣмъ меньше переписки, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ: крестьяне не будутъ вынуждены прибѣгать къ захватамъ, почувствовавъ увѣренность въ удовлетвореніи своихъ претензій; киргизамъ же не будетъ выгодно красть лошадей, когда они будутъ вынуждены расплачиваться, если слѣды пришли къ аулу. Війской администраціи, по обширности округа, трудно посѣть вездѣ, поэтому о преслѣдованіи конокрадства и думать нечего; подаркомъ и дѣла залеживаются 3—5 лѣтъ. Населеніе, въ особенности далекаго Бухтарминскаго края, въ силу этихъ-то условій и пришло къ тому заключенію, что въ этомъ случаѣ остается надежда на себя. Разъ ему предоставленъ просторъ и оно не стѣсняется законными рамками, да, къ тому же, не встрѣчая поддержки со стороны управителей-укрывателей, населеніе это старается лишь о томъ, какъ бы вернуть свое. Отсюда-то и вытекаютъ тѣ натянутыя отношенія, которыя вызываютъ часто столкновенія, и которыя устранить, между тѣмъ, казалось бы легко.

Нукусъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Туркестанскій край изобилуетъ такими захопустьями, которыхъ, конечно, не найдти въ Европейской Россіи; захопустья эти носятъ обыкновенно названія фортовъ и форпостовъ. Горе человѣку болѣе или менѣе интеллигентному, котораго судьба закинетъ въ такой форпостъ,—здѣсь его, какъ говорится, засосетъ, или же онъ сопыетъ. Недавно намъ удалось посѣтить укрѣпленіе Нукусъ, принадлежащее къ числу вышеупомянутыхъ захопустій.

Наружный видъ его крайне непривлекателенъ и невольно нагоняетъ тоску на всякаго пріѣзжающаго. Представьте себѣ укрѣпленіе, занимающее площадь въ 70 квадратныхъ сажень, съ двумя-тремя мрачными, грязными казарменными зданіями. Въ полуверстѣ отъ укрѣпленія—полуулица съ базаромъ, застроеннымъ десяткомъ бухарскихъ крохотныхъ лачугъ и двумя-тремя подобіями домовъ. На несчастномъ базарѣ, крошѣ табаку, дынь и еще кое-какой мелочи, ничего не достанете; иногда даже не найдете иголокъ и другихъ самыхъ обыкновенныхъ и необходимыхъ предметовъ, какъ, на примѣръ, гильзы, бумаги и т. п. Почти весь товаръ сюда привозится съ лѣваго берега Аму-Дарьи, изъ селенія хивинскаго Хаджуляхъ, отстоящаго отъ Нукуса въ 6-ти верстахъ. Сотня казаковъ, рота солдатъ, нѣсколько офицеровъ, два три чиновника,—вотъ и всѣ обитатели Нукуса, если не считать человѣкъ около ста бухарцевъ и сартовъ. Общественной жизни рѣшительно никакой, единственное развлеченіе—усиленное уничтоженіе водки и карты, далѣе чего интересы жителей нейдутъ,—какіе-либо вопросы имъ чужды; вдобавокъ, жизнь ужасно дорога: за всякую привозную бездѣлицу берутъ положительно фантастическія цѣны.

Сыръ-Дарьинская область (корресп. „Вост. Обозр.“). Мучителями каждаго путешествующаго по Туркестанскому краю являются насѣкомыя, вовсе незнакомыя жителямъ Европы,—это фаланги, муха-жигалка и червь-ришта. Путешествуя по Сыръ-Дарьинской области, намъ не разъ приходилось страдать отъ этихъ истинныхъ бичей. Фаланга, по туземному—глянь, небольшое наукообразное насѣкомое съ длиннымъ желтоватымъ тѣломъ, покрытымъ рѣдкимъ пухомъ; у рта оно имѣетъ четыре острыхъ жала. Фаланга сама не нападаетъ на человѣка, но если ее раздражить, то она прыгаетъ на него и въ это время жалитъ; говорятъ, что укушеніе фаланги смертельно, но это невѣрно. Отъ укушенія чувствуется сильная жгучая боль, укушенное мѣсто сильно распухаетъ—и только; боль проходитъ

очень скоро, если намазать пораженное мѣсто деревяннымъ масломъ. Другой несносный врагъ путешественниковъ—мошка жигалка (*stomoxis calcitrans*), насѣкомое маленькое, едва замѣтное для глаза; оно снабжено крылышками. Появляется жигалка въ большомъ количествѣ преимущественно въ маѣ мѣсяцѣ и держится до іюля; отъ него нигдѣ и ничѣмъ не спасешься; оно пробирается въ складки одежды, укусываетъ руки, ноги и лицо, и само поселяется подъ кожей, что производитъ боль и невыносимый зудъ. Особенно мошки нападаютъ на прѣзжаго, неуспѣвшаго еще хорошо акклиматизироваться. Третій врагъ—это червь ришта (*filaria medinensis*). Ришта попадаетъ обыкновенно въ тѣло вмѣстѣ съ питьемъ, въ состояніи зародыша, и потомъ уже, какъ многіе полагаютъ, черезъ кровеносные сосуды проходитъ подъ кожу, гдѣ и развивается; при полномъ развитіи она имѣетъ 1½ арш. длины. Когда ришта развилась уже подъ кожей, тогда на ней, въ томъ мѣстѣ, гдѣ помещается головка червя, образуется красное пятно, а затѣмъ—небольшой красноватый прыщъ, который, вслѣдствіе возбуждаемаго имъ зуда, легко сколупывается, и въ образовавшейся ранкѣ показывается головка ришты. Единственный способъ лѣченія этой болѣзни—извлеченіе ришты изъ раны. Туземцы дѣлаютъ это слѣдующимъ образомъ: поднимаютъ обыкновенной швейной иглой кожу на разстояніи одного дюйма отъ того мѣста, гдѣ обрвалась ранка, и срѣзываютъ бритвой круглую пластинку кожи.

Послѣдовательными срѣзами, они углубляютъ рану до обнаруженія тѣла ришты; и тогда, запустивъ подъ нее иголку, вытаскиваютъ наружу передній ея конецъ и, захвативъ пальцами, при постоянномъ нажиманіи другой рукой на задній ея конецъ, вытаскиваютъ насѣкомое изъ тѣла. Специалисты дѣлаютъ это очень ловко, такъ что извлеченіе ришты изъ тѣла продолжается не болѣе минуты и производится безъ всякой боли. Послѣ вынутія, ранку закладываютъ хлопчатой бумагой и этимъ ограничиваютъ все лѣченіе. Главная задача при этой операціи состоитъ въ томъ, чтобы не оборвать ришту, такъ какъ въ подобномъ случаѣ и появляются нестерпимыя боли. Ришта по большей части лежитъ подъ кожей человѣка, вытянувшись во всю длину, иногда же помещается въ клетчаткѣ, между мускулами. Бываютъ случаи, что она располагается по нѣскольку экземпляровъ вмѣстѣ, свернувшись клубкомъ величиною съ дѣтскій кулакъ.

ДВИЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ВЪ МИНУСИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Говоря въ первый разъ о движеніи переселеній въ Минусинскій округъ (№ 35 „Вост. Обозр.“ 1882 г.), мы обѣщали не разъ еще обратиться къ этому интересному и животрепещущему вопросу. Упомянувъ прошлый разъ о д. Вяткѣ, мы удивлялись, почему вятчи, во-первыхъ, бѣдствуютъ, а во-вторыхъ—почему они выбрали такое, почти невозможное мѣсто для жительства? Вопросъ этотъ тогда остался открытымъ, теперь же мы можемъ дать на него приблизительно вѣрный отвѣтъ, причѣмъ онъ получится самъ собою, когда мы съ вами, читатель, отправимся въ непроходимую глушь восточной части Минусинскаго округа, на р. Кизирь, по которой, недалеко отъ впаденія ея въ р. Тубу, расположено, когда-то громадное, село Имись; здѣсь и теперь насчитывается болѣе 100 домовъ, виднѣтся порядочная церковь. Но почему половина домовъ пустуетъ? Гдѣ обитатели? Не вымерли ли они отъ разныхъ гладовъ, моровъ и тому подобныхъ пре-

лестей, свойственныхъ нашему отечеству вообще а Сибири въ особенности? Нѣтъ: имисцы сами добровольно выселились изъ своего родного села; часть приписалась въ мѣщане города Минусинска, часть же перебралась въ другія села и деревни. Причина? А вотъ, поговоримъ съ первымъ встрѣчнымъ вятичемъ, такъ какъ все село и образовано, и населено ими.

— Давно сюда переселились? спрашиваете вы.

— Двадцать четвертый годъ пошелъ.

— Добровольно?

— Вызовъ былъ; начальство, значить, звало.

— Вы такъ все разомъ сюда и пришли?

— Нѣ-ѣтъ, сначала пять семей ушло; выбрали мѣсто, лѣтъ пять прожили и стали письма писать, что больно хорошо здѣсь живется,—ну, мы и пришли.

— Что же теперь насиженное мѣсто покидаете?

— Развѣ не вишь?—тайга заѣла.

Оглядываясь кругомъ, вы дѣйствительно замѣчаете, что выраженіе „тайга заѣла“ нужно понимать буквально: лѣсъ громадный стиснулъ село со всехъ сторонъ, а мелкій березнякъ влѣзаетъ въ жилища, входитъ во дворы, пробирается къ самымъ дверямъ домовъ.

— Что же вы не вырубаете?

— Какъ не вырубивать,—мы её вырубивали, да ничего не подѣлаешь: вона пни, а отъ нихъ кажинъ годъ молодой лѣсъ такъ и претъ—бѣда-а!

— Да зачѣмъ же вы такое мѣсто выбрали?

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что въ Вятской-то губерніи у насъ не было собственнаго лѣса ни кусточка, ни листочка; бывало, щепку найдешь, такъ радуешься. Вотъ, какъ пришли наши-то перваки мѣсто облюбовать, да забрались вонъ въ этакіе лѣса—сердце отъ радости ёкнуло: эка благодать! Лѣсу-то, лѣсу сколько! Жги, руби, стройся, сколько душъ угодно! Ну, и позарились, анъ не тутъ-то было! Таперя тайга тебя ѣстъ, а земля не родить.

— А прежде земля родила?

— Какъ не родить! Прежде хлѣбъ выше человѣка росъ, а на зерно не налюбуется: словно хмѣль! А таперя, хоча онъ и высокъ, а зерна на немъ нѣтъ.

— Почему же это?

— Потому, что кажинъ годъ мы все новину пахали: этотъ годъ, примѣрно, вспашемъ сколько слѣдуетъ, а на другой—уже другое мѣсто, а тамъ—третье; лѣтъ съ двадцать мы все этакъ дѣлывали, все, что можно, перепахали, а таперя за старыя мѣста какъ принялись—съ нихъ толку никакого и нѣтъ.

— Значить, сначала хорошо жили?

— Какъ не хорошо! Жили, словно барѣ! Хлѣба, скота—видимо-невидимо! Намъ вѣдь сначала всяку штуку дали: бороны, сохи, плуги, скота,—чего хошь! Податей восемь лѣтъ не платили! Преотлично жили! говорилъ восторженно вятчанинъ, вспоминая свѣтлое прошедшее.—А таперя, прибавилъ онъ со вздохомъ,—выселяйся, потому жигъ не на что; а тутъ звѣрь донимаетъ, скотину дереть.

— А много звѣря?

— Тьма-тьмуца! Этого медвѣдя, язви его въ душу, страсть сколько!

— Звѣринымъ промысломъ не занимаетесь?

— Нѣ-ѣтъ, куды-ы! Это сибирякъ, тотъ дока, а нашъ братъ съ медвѣдемъ не справится.

Тяжело дѣлается на душѣ послѣ такого разговора: видишь безпомощнаго человѣка, немогущаго ничего подѣлать съ дѣвственной природою, которая заставляетъ его бросать все нажитое трудами и убираться, куда глаза глядятъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: какъ преобороть эти препятствія? Мы думаемъ, что это совершенно возможно, если переселенцу даны будутъ средства бороться съ природою и онъ будетъ поставленъ лучше, чѣмъ стоялъ до настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что заботиться только объ отправкахъ и самомъ путешествіи переселенцевъ—этого далеко еще недостаточно. Сравнительно, Имисцы были, на примѣръ, прекрасно обеспечены въ пути; они получили помощь, достаточную для нихъ на мѣстѣ поселенія, что однако же не помѣшало имъ черезъ 15—20 лѣтъ послѣ переселенія, переселяться опять, убѣгать отъ голодной смерти, которая уже разъ выгнала ихъ изъ отечества.

Какъ устранить такіе прискорбные результаты, какіе даютъ намъ Вятка и Имись? При какихъ условіяхъ, наконецъ, переселеніе можетъ дать дѣйствительно то, чего переселенцу недоставало на родинѣ? Вотъ факты, вызывающіе на размышленіе. Въ пяти верстахъ отъ с. Имисскаго, на рѣкѣ же Кизирѣ, расположена д. Жербатиха, находящаяся точь-въ-точь въ такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ и с. Имись, благодаря той же темнотѣ и незнанію переселенца, хотя въ Жербатихѣ живутъ уже не вятичи, а пермяки: и здѣсь мы видимъ начинающееся выселеніе, такъ какъ „тайга заѣла“, „отъ звѣря скоту проходу нѣтъ“ и „земля перестала родить“. Но въ 20 верстахъ отъ Имиса и въ 15—отъ Жербатихи, при устьѣ того-же Кизира, расположено громадное село Богуртакъ, населенное и образованное такими же пермяками, какъ и д. Жербатиха. Здѣсь совсѣмъ уже не то! Село громадное, богатое; населеніе благоденствуетъ и, конечно, викауда переселяться не желаетъ; а единственная причина такого различія между двумя вышесказанными поселеніями и Богуртакомъ заключается лишь въ томъ, что богуртачане поселились въ степной мѣстности, въ 15 верстахъ отъ тайги,—поселились, быть можетъ, потому, что имисцы и жербативцы заняли раньше тѣ мѣста, гдѣ могли бы поселиться богуртачане! За 15 верстъ отъ Богуртака и выселеніе, а въ Богуртакѣ изобиліе плодовъ земныхъ! Будь у переселенцевъ больше знакомства съ мѣстностью, и имисцы, и жербативцы не оплакивали бы свою судьбу! Такой же случайный выборъ мѣста жительства былъ причиною благоденствія мордвы въ Малой-Минусѣ, о чемъ мы говорили въ первой статьѣ. Не знаемъ, какъ кому, а намъ кажется, что вопросъ этотъ довольно важный и имѣющій очень важное значеніе при переселеніяхъ. Мы къ нему возвратимся еще не разъ.

Петровичъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ А. П. ЩАПОВА.

(Продолженіе).

Щаповъ, явившись въ Петербургъ, не могъ не остаться тѣмъ-же областникомъ по убѣжденіямъ, симпатіямъ, привычкамъ и происхожденію: Только на минуту Петербургъ обольщаетъ его блескомъ своей интеллигентной жизни, открываетъ шире кругозоръ, знакомитъ съ выдающимися талантами, со-

здаетъ обмѣнъ мыслей,—все это способствуетъ развитію Щапова и разомъ ставитъ его въ число видныхъ русскихъ дѣятелей. Но петербургская жизнь имѣла и обратную сторону. Вслѣдъ за первыми обольщеніями начинается ѣдкая критика. „Бойкая, суетливая петербургская жизнь, пишетъ Аристовъ, привлекла сильно вниманіе Щапова, и онъ любилъ разсуждать о ней съ экономической точки зрѣнія, что она истощаетъ на прихоти плоды трудовъ недостаточныхъ классовъ общества, что поглощаемые доходы областныхъ городовъ въ пользу Петербурга, при экономической централизаціи, весьма несоразмѣрны“ („Ист. Вѣстн.“ кн. 11, стр. 382). Щаповъ не могъ быть сторонникомъ централизаціи, онъ замѣчаетъ всѣ ея ненормальности, явленія петербургской жизни только наталкиваютъ его на анализъ этого факта. Въ то же время онъ остается вѣрнымъ своему взгляду на русскую исторію. Къ вопросамъ иностранной политики государства онъ остается равнодушнымъ, какъ вообще ко всей внѣшней исторіи. Его задача, по его собственному опредѣленію, была „слѣдить за исторіей народа, жизнью народной, за проявленіемъ собственно народныхъ стремленій, инстинктовъ, исканій, дѣйствій, страданій, движеній“ (Биогр.). Исторію государственную, исторію официальную, исторію централизаціи онъ не бралъ на себя. „Мы хотимъ знать въ историческомъ рожденіи, говорилъ онъ, ростъ и воспитаніе нашего народа, одно только то, что тяжкое перестрадалъ, перенесъ народъ, чего хорошаго, истиннаго, живого, свободного хотѣлъ онъ съ молодю...“ „Мы совѣтуемъ лучше молодымъ воспитанникамъ, изучающимъ русскую исторію, выучить, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ исторіи Устрялова, Важскую или какую-нибудь другую уставную грамоту, особенно общинно-областную челобитную объ излюбленномъ самоуправленіи“ (стр. 331 *ibid*). Изъ этого видно, что Щаповъ бралъ совершенно иную ноту въ русской исторіи и не походилъ на другихъ историковъ. Какъ образецъ его отношенія къ бюрократическому міру и выраженіе областно-народныхъ симпатій, служить слѣдующій отрывокъ, приводимый Аристовымъ: „Въ петербургскихъ присутствіяхъ, писалъ Щаповъ, валяются сотни вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живого горя народнаго, или недвижимо лежащихъ въ пыльныхъ связкахъ, или безъ рѣшенія сдаваемыхъ въ архивъ“ („Ист. Вѣстн.“, ноябрь, стр. 334). Областные инстинкты его все болѣе и болѣе протестовали противъ склада бюрократической столичной обстановки. Профессура, однако, была потеряна для него навсегда, его пристроили въ архивъ, но сухая архивная работа, конечно, не могла удовлетворить его рефлексивную, живую натуру; онъ появился въ литературѣ съ рядомъ статей, популяризируя свою историко-философскую идею. Эти статьи были полны интереса, оригинальности взгляда и исторической критики. Самые ярые западники не могли не признать ихъ достоинства. Одинъ изъ самыхъ завзятыхъ поклонниковъ Запада, Герценъ, признаетъ въ нихъ свѣжій голосъ, почти единственный, раздающійся среди хриплыхъ и разбитыхъ голосовъ. Дѣйствительно, отъ идеи Щапова вѣяло новою силою. Однако, и онъ приноситъ дань Западу и русскому западничеству. Журнальная среда и тогдашнее литературное направленіе не могли не наложить печати на Щапова: онъ слишкомъ былъ воспримчивъ. Бокль и боклизмъ, появившіеся въ литературѣ, нашли въ немъ яраго поклонника и

подражателя. Онъ вздумалъ разрабатывать русскую исторію по тому же плану. Цѣлый новый рядъ мыслей и плановъ пожираетъ его. Здѣсь, однако, нужна была новая подготовка, большая предварительная работа, на которую Щаповъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ. Бокль создавалъ исторію годами, Щапову пришлось создавать днями. Онъ не зналъ естественныхъ наукъ. Естественно-историческое и антропологическое направленіе, занимавшее его умъ, не имѣло серьезной подкладки и отвлекло его только въ сторону. Выступивъ съ совершенно самостоятельнымъ направлениемъ въ наукѣ, обладая массой матерьяла и неотразимой логикой фактовъ, Щаповъ, къ сожалѣнію, въ столицѣ потерялъ свою настоящую дорогу. Онъ хотѣлъ сдѣлаться ярымъ западникомъ и разрабатывать исторію по новѣйшему антропологическому плану. Онъ упустилъ изъ виду, что это не его почва. Слѣдя сравнительному изученію, онъ могъ отыскать въ Западно-Европейской жизни и исторіи ту-же идею, которую проводилъ и въ русской исторіи; онъ могъ изучать борьбу городовъ, общинъ, провинцій и начала чисто народно-областной струи въ противоположность централизаци; въ Европейскихъ теоріяхъ онъ могъ открыть идеи, родственные ему по духу, и примирить ихъ съ общечеловѣческимъ идеаломъ. Подкрѣпленный этимъ, Щаповъ могъ еще смѣлѣе и послѣдовательнѣе заняться разработкою своего направленія.

Но, какъ видимъ, столица совлекла его съ этой дороги, и всѣ послѣдующія работы его были ниже по достоинству первыхъ, цѣльныхъ и глубокихъ работъ.

Журналистика и журнальная работа, со всѣми ея превратностями, требовали снѣжности, что весьма неудобно для историка и философа, да еще такого, у которого только-что еще совершился процессъ выработки взглядовъ. Поэтому, журнальные статьи Щапова въ Петербургѣ имѣли видъ скорѣе этюдовъ. Онъ долженъ былъ принаровляться къ вкусамъ и направленію журналовъ, невольно поддаваясь окружающимъ взглядамъ. Это имѣло свою невыгодную сторону. Прихотливая столичная централистская печать бываетъ неблагодарна, она снимаетъ съ дарованія пѣнку, требуетъ вѣчно высшаго діапозона, она деспотична въ модѣ, истощаетъ силы таланта и потомъ сама-же является его судьей. Щаповъ испыталъ на себѣ горькую долю столичнаго журналиста. Ему не платили, затыгивали гонораръ, передѣлывали статьи и т. д. Къ этой журналистикѣ и ея тону онъ однако никогда немогъ принаровиться,— для этого онъ былъ слишкомъ самостоятеленъ, его мысль была слишкомъ свободна, не замаскирована, убѣжденія откровенны и смѣлы, языкъ былъ непосредственный, какъ самъ Щаповъ. Онъ не имѣлъ шлифовки, литературнаго лоска, но у него не было и столичнаго двуязычія, двусмыслія эзоповщины. Онъ былъ любимецъ публики за идеи, за убѣжденія, онъ будилъ мысль, чувство, даже несмотря на обычный буреломъ своего языка. Въ этомъ случаѣ Щаповъ оставался настоящимъ провинціаломъ и мужикомъ въ литературѣ. Статьи его вызывали не разъ затрудненіе не по одной только формѣ, но заставляли смущаться и по содержанію, и по смѣлости критики. Прямая и откровенная мысль Щапова была непривычна для робкой литературы, она была и не по времени. Присутствуя при рожденіи двухъ честныхъ органовъ („Вѣка“ и „Очерковъ“, обоихъ рано погибшихъ), онъ пробовалъ отдаться со всѣмъ пыломъ журнальной работѣ, но, вследствие распаденья редакцій, началъ терпѣть разочарованіе. Самый петербургскій

Олимпъ, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, утратилъ для него величіе и прелесть. Обыденная журнальная братія, за немногими исключеніями нѣсколькихъ бойцовъ за идею, въ его глазахъ стояла низко, въ особенности, пословамъ біографа, не могъ онъ терпѣть записныхъ литераторовъ, которые судили и рядили о дѣлахъ и нуждахъ Россіи, не зная и не понимая ея интересовъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ подъячими и чиновниками. „Развѣ они не такіе-же борзописцы?“ говорилъ онъ. „Тѣ-же безжизненные скрипачи пера! Какъ водовозныя клячи, вымучиваютъ изъ себя жалкія и ничтожныя мыслишки за построчную плату“ (стр. 323). Такъ онъ характеризовалъ петербургскихъ ремесленниковъ-литераторовъ. Нѣкоторыхъ онъ просто презиралъ и осыпалъ насмѣшками, какъ, на примѣръ, Льва Камбека. Понятно, что въ этой средѣ онъ не могъ найти удовлетворенія. Это не была аудиторія молодежи, жадно впивавшаяся въ него глазами, не былъ товарищескій кружокъ учениковъ. Столичная жизнь не давала ему народной простоты, естественности, которой искала его честная натура. Его начинала раздражать столичная пышность, какъ контрастъ народной нищеты,—эти наружный блескъ и мишура, этотъ гробъ поваленный столицы. Онъ почувялъ, наконецъ, въ воздухѣ смрадъ. Времена перемѣнялись. Чѣмъ мрачнѣе становилось небо, чѣмъ грознѣе вздымались тучи, тѣмъ болѣе отчаянія находило на Щапова, слѣдившаго лихорадочно за парусомъ корабля русской жизни. Буря бушевала, смерть уносила гордыхъ бойцовъ, погибали лучшія силы. Наконецъ все стемнѣло, вѣтеръ рвалъ паруса, что-то сулило будущее! Гдѣ-же надежды, недавнія святія упованія? Сердце давила тоска. Щаповъ переживалъ тяжкія минуты съ своими современниками. Это были натуры, уже обласканныя свѣтомъ и солнцемъ; не хотѣлось опять въ душную темницу.

И день иде, и почъ иде,
И голову схопивши въ руки,
Дивуешся, чего-жъ найде
Апостолъ правды и науки!

воскликаетъ Щаповъ съ своимъ другомъ Шевченко, вмѣстѣ съ нимъ погибавшимъ. Щаповъ былъ слишкомъ живая, впечатлительная и социальная натура. Онъ могъ жить только тогда, когда все ликовало, когда все было счастливо, и бился головою въ минуты міровой скорби. Древніе пророки, въ подобныя минуты, рвали одежды. Онъ горѣлъ жизнью и переживалъ исторію, потому что она была его книгою. Біографъ историка, г. Аристовъ, не могъ понять гражданскихъ мученій Щапова, его неудовлетворенности, ибо никогда не испытывалъ ихъ, онъ видѣлъ въ этомъ одну только „необузданность“. Конечно, есть другія натуры, есть люди благоразумные, практическіе, которые не кипятъ жизнью, имъ все равно, куда бы ни шло общество, они степенно живутъ, продѣлываютъ карьеру, безмятежно спятъ и получаютъ пенсію. Щаповъ искалъ иной жизни—и это была его вина...

Онъ былъ уже измученъ, разбитъ въ Петербургѣ, отчаяніе зародило въ немъ страшный недугъ, доведившій его до безумія. Нравственныя силы его были надорваны. Въ это время жизнь устраиваетъ ему послѣднюю комедію. Обстоятельства возвращаютъ его родинѣ, куда онъ ѣдетъ поневолѣ, съ разбитой душой. Изстрадавшійся, онъ, однако, мечтаетъ еще вздохнуть, почерпнуть силы тамъ, на областной почвѣ, онъ хочетъ припасть къ родной землѣ своей измученной грудью,

излить наболѣвшее горе чужбины. Здѣсь, онъ думаетъ, его встрѣтятъ привѣтъ и родная среда. Выплакавъ старую скорбь, онъ отдастъ силы изученію своей родины, оплатитъ долгъ этому несчастному краю, этой забытой отчизнѣ, забытому народу на берегахъ родственной ему Лены!

Сбылись-ли его ожиданія?...

Н. Ядринцевъ.

* * *

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей,
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ,
Все также явственно звеня.

Я ощущаю и подвесь
Въ ухахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходить звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей—
Страны изгнанія и мукъ...

Омулевскій.

СИБИРЯКИ - МОРЕХОДЫ.

Разказы изъ исторіи Сѣвернаго мореплаванія.

Всѣ помнятъ, какого шума надѣлало плаваніе профессора Норденшельда къ устью Енисея. Въ первый разъ онъ проникъ сюда въ 1874 г., во второй—въ 1876 г.

Открытіе этого пути, впрочемъ извѣстнаго еще съ прошлаго столѣтія, возбудило особыя надежды. Въ столицѣ, вопросъ о сѣверной торговлѣ былъ особенно раздутъ пышными рѣчами, грандіозными планами и проектами. Сибиряковъ увѣрили, что родина ихъ можетъ не въ далекомъ будущемъ вступить въ торговыя сношенія моремъ, какъ съ Россіей, такъ и Западной Европою. Сибири обѣщали самое свѣтлое будущее и огромныя выгоды, при помощи сбыта своихъ произведѣній. Иностранцы будутъ оживлять своею торговлею города сибирскіе, иностранные произведенія наводнятъ сибирскіе дома, вездѣ будутъ заграничныя фортепяна, лампы, матеріи, берега сѣвернаго моря процвѣтутъ, вездѣ образуются станціи. Иностранная торговля дастъ толчекъ промышленной жизни Сибири. Туземное населеніе, при помощи иностранцевъ, пробудится отъ своей вѣковой спячки, откроетъ

новыя неистощимыя богатства страны своей и дѣйствительно докажетъ, что она — „золотое дно“.

Самое осуществленіе этого дѣла казалось весьма легкимъ: вѣдь проникъ же Виггенсъ, Норденшельдъ; вѣдь чрезъ Сѣверный океанъ до Европы рукой подать.

— Да снаряжайте же вы скорѣе шкуны, нагружайте хлѣбомъ и вывозите за границу! торопили сибиряковъ. Примѣръ „Луизы“, пришедшей въ Тобольскъ въ 1877 г., расшевелилъ ихъ наконецъ и привлекъ къ этому дѣлу нѣкоторыхъ промышленниковъ. Началось „сибирское мореходство“.

Какъ разъ въ это время мнѣ случилось жить въ Сибири, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ составлялись и направлялись сѣверныя предпріятія. Мнѣ удавалось весьма многое наблюдать и слышать, а также видѣть всѣ мѣстныя приготовленія. Вотъ этими-то наблюденіями и разказами я хочу подѣлиться съ публикой.

Теперь, въ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства болѣе выяснили, насколько оправдались надежды на Сѣверный путь изъ Сибири.

Въ 1877 году пришла въ Сибирь (въ Обь), съ грузомъ изъ Англіи, первая шкуна морская — „Луиза“. Она принадлежала иркутскому купцу Трапезникову. „Луиза“ была парусное паровое судно, довольно прочное и вмѣстительное. Матросы и управители „Луизы“ были все люди заграничныя и знатоки своего дѣла. Между ними находились англичане, нѣмцы и шведы. При содѣйствіи этихъ-то первыхъ, появившихся специально для торговли и мореплаванія въ Сибири, моряковъ, наиболѣе состоятельные и предпримчивые изъ западно-сибирскихъ купцовъ принялись строить собственные суда для отправки съ туземными товарами въ море. *) За образецъ для постройки морскихъ судовъ взята была „Луиза“. Всѣ такія суда стали называть въ Сибири шкунами. Постройка шкунъ, начавшаяся съ 1877 года въ Тобольскѣ и Тюмени, продолжалась въ этихъ городахъ до послѣдняго времени. Экипажъ на всѣхъ сибирскихъ шкунахъ, (исключая „Луизу“ и еще нѣкоторыя, построенныя за границей и на Енисеѣ) составляли большей частью русскіе, взятые съ береговъ Иртыша „бурлаки“. Ранѣе, эти бурлаки, сдѣлавшіеся первыми сибирскими матросами и моряками, ходили обыкновенно каждое лѣто на „низъ“, т. е., на Обскую губу за рыбой, на паузкахъ тобольскихъ купцовъ. Въ Тобольскѣ называютъ ихъ „караванными“.

Я зналъ одного изъ приказчиковъ этихъ караванныхъ, которому поручили устраивать и вести на Сѣверъ одну изъ шкунъ, хотя онъ цѣлую жизнь ѣздилъ по Оби до Березова и Обдорска за рыбой, и пуститься въ море—для него было дѣло новое.

Я видѣлъ Ивана Парфентыча всегда озабоченнымъ, онъ былъ человѣкъ старательный, но совершенно невѣжественный, хозяйское порученіе старался выполнить и видимо не зналъ, что его ожидаетъ. Судя по поту, который постоянно выступалъ у него на лицѣ, онъ испытывалъ постоянно волненіе и усталость. Онъ вѣчно занятъ былъ, но не главнымъ, а какими нибудь хозяйственными пустяками. Кажется, приготовленіе онъ началъ съ закупки рогожи.

*) Съ этою цѣлью появились у сибиряковъ небольшія торговыя компаніи, человѣка по три, и теперь еще, кажется, существующія и даже вновь устраивающіяся до настоящаго времени.

„Рогожа, пенька, сѣть, бочка, смола“—это онъ еще понималъ, но далѣе его техническія познанія не простирались. О компасѣ онъ, напримѣръ, ничего не зналъ.

— Какъ ты это въ море пойдешь? бывало спросишь его.

— Того оно какъ оно... пойдёмъ! какъ нибудь, того оно...

Онъ не былъ краснорѣчивъ, и его звали „Того оно какъ оно“ за способъ изложенія мыслей. На вопросъ онъ отвѣчалъ, напримѣръ, такой тирадой:

— Теперече, напримѣрече, того оно какъ оно, туда-сюда шель-шевелъ—и день къ вечеру! Это была его присказка.

Слыша о походахъ шкуновъ, мнѣ хотѣлось однако узнать сужденіе о сѣверныхъ попыткахъ нашихъ мореходовъ отъ человѣка, знакомаго съ этого рода предпріятіями. Случай представился и разъяснилъ мнѣ многое.

I.

Осенью 1880 года случилось мнѣ быть въ одномъ изъ извѣстныхъ въ Сибири торговыхъ домовъ. Тутъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, принадлежащихъ къ торговому сословію. Былъ тутъ-же и одинъ нѣмецкій морякъ—Карль Ричардычъ. Всѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ, покуривали и вели разговоры о разныхъ вещахъ. Между прочимъ, зашла рѣчь и о морской торговлѣ на отдаленномъ сѣверѣ.

— А вы, Карль Ричардычъ, давно уже съ „низу“-то? спросилъ я, обращаясь къ нѣмцу.

— Я-то? Нѣтъ, только на той недѣлѣ, отвѣтилъ онъ.

— А видѣли вы тамъ шкуны-то въ морѣ, которыя вышли прошлымъ лѣтомъ и ранѣе еще?

— Не только видѣлъ, но и самъ плавалъ на нихъ! У меня вѣдь было свое парусное судно, на которомъ я пришелъ сюда изъ Финляндіи. Да вотъ нынѣ не вывезло: льды помѣшали.

— А что въ самомъ дѣлѣ, Карль Ричардычъ, какъ теперь дѣла-то тамъ, со шкунами? Правду говорятъ, что „какъ сажа бѣла“? спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, обращаясь къ нѣмецкому мореходу.

— Хе! хе! хе!.. Правда, правда! Не стоитъ, Петръ Никифоровичъ, много и говорить объ этомъ, отвѣтилъ Карль Ричардычъ, махнувъ въ знакъ пренебреженія рукой.

— Да что изъ нихъ вышелъ-ли кто въ море-то, или нѣтъ? спросилъ опять Петръ Никифоровичъ.

— Что вы это, Петръ Никифоровичъ, въ море! Да хоть до Тазовской-то подсобилъ-бы Богъ добраться—и то бы хорошо. А то въ море! повторилъ съ неудовольствіемъ нѣмецкій мореходъ.

— Будто ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ плохи дѣла-то? Вѣдь три года почти, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ шкуновъ ушли отсюда, изъ Тобольска, замѣтилъ Петръ Никифоровичъ.

— Три года, три года! Да если-бъ шкуны эти десять лѣтъ плавали въ Обской губѣ среди острововъ, то и тогда бы имъ не добраться до Тазовской съ такими моряками, какіе теперь на шкунахъ въ Оби.

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Вѣдь вы знаете, какъ уплыли отсюда теперешніе моряки-то Обскіе, напр., Г—въ? Какой народъ-то онъ съ собой набралъ? а? Бурлаковъ съ берегу Иртыша, да съ базару здѣсь-же въ Тобольскѣ нанялъ и уплылъ съ

ними. Вотъ теперь и мается уже три года: зиму-то простоитъ гдѣ нибудь въ Обской губѣ на мели, а придетъ лѣто,—онъ опять направляется къ Тазовской, но добраться до нея все-таки никакъ не можетъ. А отчего?—скажите ка! Да отъ того, что народъ на шкунахъ плохой и нисколько рѣшительно незнакомъ съ морскимъ дѣломъ. Вотъ и неудачи всѣ отъ этого, скажу я вамъ, заключилъ Карль Ричардычъ.

— Да все-таки, хоть они и бурлаки, а бывали-же, поди, вѣдь не разъ въ Обской-то съ рыбаками, замѣтилъ какъ-бы про себя купецъ пожилыхъ лѣтъ.

— Да! вотъ видите, Василій Оаддеичъ, съ рыбаками—это дѣло совсѣмъ другого рода. Развѣ рыбаки заходятъ далеко въ губу-то? Да притомъ-же, они все берега держатся, а тутъ совсѣмъ не то. Если въ море идешь, то берегъ-то ужъ совсѣмъ надо оставить, да и паруса-то на шкунахъ не такіе, что бывають иной разъ на здѣшнихъ паузкахъ, баржахъ или гусянкахъ, какъ вы ихъ тамъ зовете,—не знаю хорошенько. Да вотъ послушайте, что я вамъ расскажу о здѣшнихъ сибирскихъ морякахъ.

Петръ Никифоровичъ и Василій Оаддеичъ, въ ожиданіи разказа, ближе подѣли къ Карлу Ричардычу. Карль Ричардычъ, закуривъ тѣмъ временемъ свѣжую сигару, такъ началъ свой разказъ:

— Случилось мнѣ, говорилъ нѣмецкій мореходъ,—плыть лѣтомъ по морю (Обской губѣ) изъ С. въ Б. На морѣ встрѣтился мнѣ Г—въ. Онъ, простоявъ уже долгое время на мели, плылъ на парусахъ обратно въ Обь. Я привязалъ, конечно, лодку свою къ борту, а самъ взошелъ на палубу шкуны. Что-жъ-бы, думаете вы, увидѣлъ я тамъ? сказалъ нѣмецъ, обращаясь къ слушателямъ.—Мачты у нихъ на шкунѣ прикрѣплены кое какъ, снасти къ мачтамъ прилажены—куда что попало наугадъ. Паруса перемѣшаны: который конецъ паруса-то надо-бы вверхъ натянуть, у нихъ внизъ натянуть. Другіе паруса натянуты вкривь и вкосъ, такъ-что они и по вѣтру плывутъ на шкунѣ своей все равно, что плыли бы и вовсе безъ вѣтру. Да это-таки и опасно весьма: неправильно натянутые паруса, при сильномъ вѣтрѣ, могутъ повернуть шкуну бокомъ. Тогда все, что есть на палубѣ, свалится въ море за бортъ. Вотъ такъ это моряки! подумалъ я.

— Но позвольте, Карль Ричардычъ, шкуны-то тѣ вѣдь здѣсь оснащены были нѣмецкими-же моряками, перебилъ опять Василій Оаддеичъ:—ужели-же они невѣрно ихъ оснастили?

— Э-э! нѣтъ, зачѣмъ-же? Здѣсь-то все вѣрно было прилажено. Вѣдь я вамъ, Василій Оаддеичъ, сказалъ, что Г—въ-то на мели долго стоялъ. Чтобъ вѣтромъ не прибило шкуны къ какому-нибудь берегу и не засадило на такую мель, съ которой ужъ нѣтъ никакой возможности когда-нибудь сняться, бурлаки русскіе и вздумали снять на время мачты и паруса. Когда-же снялись съ мели и направились снова въ море, то всѣ снасти приладили кое-какъ, на...

— На русское „авось“, подхватилъ Петръ Никифоровичъ:—теперь понятно.

— Такъ, такъ, одобрилъ Карль Ричардычъ,—но слушайте еще.—Здѣсь Карль Ричардычъ положилъ погасшую уже сигару и закурилъ папиросу.

— Посмотрѣлъ я у нихъ на шкунѣ, продолжалъ Карль Ричардычъ,—комиасъ. Оказалось, что они плывутъ вовсе не по

компасу. Раньше я думалъ, что Т—въ знакомъ съ компасомъ: онъ вѣдь долго плавалъ съ Хр. Хр. Д — мъ. Но тутъ оказалось, что онъ ровно ничего не знаетъ и о компасѣ.

— Какъ-такъ? спросилъ Петръ Никифоровичъ.

— Да такъ. Вотъ послушайте только, какъ онъ справляется съ компасомъ.

Карль Ричардычъ подошелъ къ чайному столу, взялъ въ руки чайное блюдо и на дно его положилъ папиросу; затѣмъ продолжалъ свой рассказъ:

— Призоветь Т—въ бурлака, покажетъ ему на компасъ, положить на стекло компаса папироску—вотъ такъ—(Карль Ричардычъ показалъ намъ при этомъ чайное блюдо съ папиросой на днѣ) и скажетъ: „вотъ, смотри, правъ все въ эту сторону до тѣхъ поръ, пока стрѣлка не дойдетъ до папиросы“,— а самъ уйдетъ въ каюту спать.

Слушатели смѣются.

— Ну, бурлакъ что знаетъ о компасѣ? Онъ и править все въ одну сторону, самъ не зная куда. Стрѣлка-то тамъ бурлитъ, бурлитъ въ низу-то, — а онъ смотритъ на стекло, да ждетъ, когда она дойдетъ до папиросы. А она, чортъ знаетъ, когда дойдетъ до нея! Пожалуй, папироса-то цѣлыхъ хоть десять лѣтъ пролежитъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, а стрѣлка пойдетъ въ противную сторону. Вотъ такъ-то они и плывутъ, не зная ни сѣвера, ни юга, ни востока, ни запада, а куда глаза глядятъ. Это просто чортъ знаетъ что такое! горячился Карль Ричардычъ.—Оказывается, что они плывутъ не по компасу, а „по папиросѣ“.

Слушатели опять всѣ смѣются, не исключая и Василья Оаддеича.

— Вотъ еще вы говорили давеча, началъ опять Карль Ричардычъ,—какъ это въ три года не могутъ они добраться до Тазовской? Дѣйствительно, хорошіе моряки могли-бы и пять разъ въ одно лѣто сплавать изъ Обской губы въ Тазовскую и обратно, но такіе, какъ теперь на шкунахъ, я думаю, должны-бы благодарить Бога и за то еще, что сами-то они живы остаются, а не то, чтобы имъ добраться до Тазовской.

— Ужели-же ни на одной шкунѣ нѣтъ ни одного свѣдущаго въ морскомъ дѣлѣ человѣка? спросилъ я.

— Да одинъ только и есть флотскій офицеръ А — въ. Онъ, дѣйствительно, хорошо знаетъ морское дѣло, но что онъ одинъ подѣлаетъ, когда у него нѣтъ даже помощника? Онъ вѣдь тоже человѣкъ. Надо ему и отдохнуть сколько-нибудь. А если онъ уйдетъ съ палубы, то бурлаки его плывутъ ладно, только пока берегъ видно, а берега не стало, — править, куда глаза глядятъ.

— Все-таки онъ вѣдь, какъ слышно было, немного не дошелъ до Тазовской-то? замѣтилъ Василій Оаддеичъ.

— Нѣтъ, онъ, Василій Оаддеичъ, и въ Тазовской уже былъ, но, благодаря своимъ бурлакамъ, ему и тамъ не посчастливилось.

— Какъ-такъ? спросилъ Петръ Никифоровичъ.

— Шкуна его разбила, сѣла на мель и ушла ко дну. Говорятъ, что матросовъ человѣкъ семь погибло, а самъ А—въ ѣдетъ въ Тобольскъ.

— Значитъ, и товаръ весь потонулъ?

— Да, не иначе. Впрочемъ, если остатки натакаются, то можетъ спиртъ-отъ достануть и начать пьянствовать зиму

то. Они же до этого большіе охотники. Да едва-ли только дойдутъ они до того мѣста-то: далеко очень.

— Жаль, очень жаль: шкуна-то вѣдь стоила, поди, со всемъ нарядомъ, тысячъ до ста, замѣтилъ въ раздумьи Петръ Никифоровичъ.

— Впрочемъ, отвѣтилъ Карль Ричардычъ,—у нихъ вѣдь она компаніей построена. Но тысячъ по 10-ти на брата придется!

— А что, Карль Ричардычъ, спросилъ опять Петръ Никифоровичъ,—если вашихъ-то матросовъ выписать сюда, то дорого они станутъ?

— Нашихъ матросовъ? рублей по тридцати, сорока въ мѣсяць.

— Безъ прогоновъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? прогоны особо.

— Дорогонько-съ. Наши дешевле берутъ.

— Такъ вѣдь ваши за то ничего не умѣютъ. Учиться надо! сказалъ, улыбаясь, Карль Ричардычъ, ласково пожавъ руки компаніи и вышелъ.

Обстоятельства скоро напомнили мнѣ разговоръ и замѣчанія умнаго и опытнаго Карла Ричардовича. Изъ всѣхъ вообще шкунъ, отправлявшихся доселѣ съ товарами въ море, только одна въ 1878 г. пришла благополучно съ Енисея въ Англию, съ хлѣбомъ.

Каждое лѣто, начиная съ 1877 г., нѣсколько шкунъ, нагруженныхъ разными товарами: хлѣбомъ, спиртомъ, саломъ и проч., направлялись изъ Оби въ море. На первый разъ предполагали добраться въ лѣто хотя до Тазовской губы, гдѣ и прозимовать на случай.

— И то хорошо бы кабы, „тово оно какъ оно“, если бы въ Тазовскую только попасть въ первое лѣто! говорилъ суетливый Иванъ Парфенычъ, забѣгавшій ко мнѣ среди хлопотъ, чтобы, загнувъ фалды длиннополага сюртука и сидя на тюменскомъ сундукѣ, отвести по сибирски душу за самоварчикомъ.

Несмотря однако на умѣренность скромныхъ желаній и всѣ, повидимому, усилія сибирскихъ моряковъ, добратся имъ до Тазовской все-таки не удавалось.

Обыкновенно, во время плаванія, что нибудъ „порухалось“, какъ выражался Иванъ Парфенычъ, т.-е. ломались и портились то паруса, то мачты, и никто не умѣлъ поправить. Шкуны возвращались обратно въ Обь, но на пути натакивались на мели у береговъ и тутъ оставались. Большинство гибло съ товарами и даже съ матросами.

— Ну, что, доѣхали до Тазовской? бывало спрашиваютъ осенью, завидѣвъ издали хлопотливаго „морехода“ Ивана Парфентыча.

— Куда! машетъ онъ рукой.

— Опять сѣли?...

— Сѣли!... тово оно какъ оно! добродушно произноситъ Иванъ Парфентычъ, отирая потъ, и лѣтитъ за новой наемкой.

Таковы были результаты этихъ плаваній почти пять лѣтъ, пока я былъ въ Сибири. Надежды свезти товары и обогатиться, какъ видно, не оправдались, и Сибиряки отъ этихъ предпріятій ничего, кромѣ убытковъ, не получили.

Странствующій Сибирякъ.

(Продолженіе будетъ).

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ Парижѣ, при церемоніи открытія статуи, изображающей республику, 2 (14) іюля, префектъ Сены произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ, что масличная вѣтвь въ рукахъ статуи означаетъ прекращеніе гоненій и насилій, и наступленіе мира; нынѣшняя Франція, по смыслу рѣчи, должна черпать свою силу изъ сознанія собственнаго права и стремиться устроить свои судьбы миролюбивымъ путемъ. Президентъ муниципальнаго совѣта говорилъ о муниципальных вольностяхъ Парижа и коснулся вопроса объ амнистіи. Рѣчь эта была принята восторженно; послышались крики: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ амнистія! Городъ разцвѣтился флагами, на улицахъ господствовало большое оживленіе. Но въ тотъ-же день вечеромъ, въ Рубэ, толпа анархистовъ въ 300 человекъ произвела безпорядки и сдѣлала попытку ворваться въ ратушу. При этомъ былъ тяжело раненъ полицейскій комиссаръ. Арестовано шесть человекъ. Жители Мадагаскара, вмѣсто ожидаемаго изъявленія покорности французскимъ войскамъ, занявшимъ главные пункты, заявили полнѣйшій протестъ. Въ концѣ іюня и началѣ іюля, они производили нападенія на французовъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Переговоры Франціи съ Китаемъ по тонкинскому вопросу затянулись.

— Сессія итальянскаго парламента прекратилась. Съ ноября по іюль не исполнено и пятой доли предполагавшихся по программѣ работъ. Значительная часть времени была употреблена на пренія съ министерствомъ. Государственный бюджетъ былъ рассмотрѣнъ позже обыкновеннаго. Изъ законодательныхъ мѣръ доведены до утвержденія только законъ о парламентской присягѣ, не имѣющей большого значенія, и пересмотръ таможенныхъ трактатовъ съ сосѣдними государствами. Послѣдній прошелъ не безъ волненій со стороны членовъ парламента, такъ какъ Депретисъ заключилъ съ Германіею новый торговый трактатъ, которымъ въ угоду союзницѣмъ обезпечиваются болѣе выгоды ея, чѣмъ Италіи. Депретисъ заболѣлъ и уѣзжаетъ на воды въ Карлабадъ. Непопулярность союза съ Австріею сказывается на каждомъ шагу. Несмотря на то, что австрійскій императоръ помиловалъ приговореннаго къ смертной казни Себбодина, сообщника Оберданка, положеніе австрійскаго посольства въ Италіи считается небезопаснымъ. Итальянская полиція охраняетъ жизнь посла и его сотрудниковъ до степени неловкости и стѣсненія. Стачки рабочихъ въ Италіи ставятъ хозяевъ въ затруднительное положеніе. Общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ дѣлится на партіи. Сочувствующіе рабочимъ устроили подписку и уже собрали въ пользу ихъ сумму въ 30,00 франковъ. Особенно даютъ себя чувствовать хозяевамъ стачки хлѣбопековъ и сельскихъ рабочихъ. Въ Римѣ одно время ощущался недостатокъ въ печеномъ хлѣбѣ. Правительство командировало въ распоряженіе хозяевъ нѣсколько сотъ солдатъ, которымъ было приказано за опредѣленную плату выполнять обязанности хлѣбопековъ. Землевладѣльцы, узнавъ о такомъ распоряженіи правительства, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою предоставить нѣсколько тысячъ солдатъ и въ ихъ распоряженіе, но получили отказъ.

— Англія пока не намѣрена увеличивать эскадру плавающую въ мадагаскарскихъ водахъ, о чемъ и заявлено въ палатѣ общинъ. Это доказываетъ миролюбивые взгляды страны на дѣйствія сосѣдовъ. Недавно въ засѣданіи палаты общинъ было заявлено о приказаніи французскаго адмирала на Мадагаскарѣ, отданномъ британскому консулу въ Таматевѣ, выѣхать въ 24 часа изъ города, и о томъ, что французы прервали сообщеніе между британскимъ военнымъ судномъ и берегомъ, но это извѣстіе, вызвавшее было волненіе въ палатѣ, оказалось невѣрнымъ. Англійское правительство уведомило Лессенса, что оно съ полною готовностію принимаетъ на себя

ходатайство въ Египтѣ относительно вопроса о проведеніи втораго Суэзскаго канала. Предложеніе о прорытіи тунеля подъ Ламаншемъ внесено въ парламентъ. Извѣстный норзгемптонскій депутатъ Бредло, воевавшій съ парламентомъ изъ-за отказа дать ему закономъ установленную парламентскую присягу и не допущенный въ засѣданія, обратился къ Гладстону съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ выразилъ, что намѣренъ принести требуемую присягу, въ чемъ палата не имѣетъ права ему препятствовать, и займетъ свое мѣсто среди членовъ палаты. Въ отвѣтъ на это письмо, Гладстонъ письменно выразилъ, что онъ сообщитъ о намѣреніи Бредло сотоварищамъ по министерству.

— Въ Александріи открытъ заговоръ, планъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы захватить хедива и главныхъ изъ европейскихъ консуловъ и занять форты Александріи, а также различные посты охраны. Въ числѣ заговорщиковъ находились многіе шейхи, туземные офицеры и члены семейства хедива, между прочимъ Ибрагимъ, двоюродный братъ Тевфика-паши. Раскрытіе заговора объясняется измѣной одного изъ соучастниковъ, подкупленнаго иностранными деньгами. Были произведены розыски въ домахъ главныхъ заговорщиковъ. Найденъ планъ возстанія въ Александріи и Каирѣ, склады оружія и военной амуниціи. Въ настоящіе дни англійскіе патрули днемъ и ночью разъѣзжаютъ по улицамъ Каира и Александріи. Несмотря на это, на стѣнахъ зданій вывѣшиваются воззванія къ мести за Сулеймана-Сами, недавно повѣшеннаго египетскимъ правительствомъ, какъ участника арабистскаго возстанія и главнаго руководителя въ дѣлѣ александрійскихъ безпорядковъ въ минувшемъ году. Дѣйствіе холеры въ Александріи губительно отзывается на населеніи, такъ какъ въ городѣ не развиты ни медицинская, ни санитарная части; жители Даміеты въ еще худшемъ положеніи, имъ недозволено удалиться изъ города. Если не будетъ организована возможность къ выходу въ пустыню, то городъ слѣдуетъ считать погибшимъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, пророкъ Магди въ Хартумѣ умертвилъ нѣсколькихъ христіанъ и посадилъ въ тюрьму миссіонеровъ.

— Въ Австріи выборы въ богемскій сеймъ кончились побѣдою чеховъ. Въ Прагѣ, какъ въ магистратѣ, такъ и въ сеймѣ, преобладаютъ чехи. А такъ какъ вообще нынѣшніе выборы дали большинство славянскаго элемента, то славянская печать подняла голову. Она совѣтуетъ нѣмцамъ, сообща съ славянами, работать на пользу родины. Ректоръ вѣнскаго университета Маосенъ вышелъ въ отставку, мѣсто его занялъ профессоръ Ведль—рьяный нѣмецкій патріотъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— „Русск. Кур.“ передаютъ, что засѣданія комисіи по пересмотру мѣстныхъ учреждений, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, прекращены на лѣтнее время и возобновятся не ранѣе осени. На-ряду съ этимъ, намъ сообщаютъ, что собственно дѣлопроизводители комисіи усиленно заняты въ настоящее время составленіемъ подробныхъ мотивированныхъ записокъ къ положеніямъ, выработаннымъ уже комисіей. Какъ слышно, эта работа будетъ окончена къ сентябрю мѣсяцу.

— „Рус. Вѣд.“ сообщаютъ, что открытая подъ предсѣдательствомъ сенатора Польнера комисія для составленія и дополненія новаго свода законоположеній судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. окончитъ, по слухамъ, возложенную на нее задачу не ранѣе декабря настоящаго года, при чемъ законоположенія получатъ новую нумерацію. Новый сводъ судебныхъ уставовъ предполагается назвать уставами Александра II.

— Въ „Рус. Кур.“ пишутъ изъ Петербурга, что замолебшія было на время земскія ходатайства передъ министерствомъ вну-

треннихъ дѣлъ объ упраздненіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ института урядниковъ—теперь снова начали стекаться въ Петербургъ съ прежними-же возрѣніями на этотъ вопросъ.

— Въ газетѣ „Русь“ появилась письмо г. Чичерина слѣдующаго содержания: „Въ № 178 „Московскихъ Вѣдомостей“ приведены изъ иностранныхъ журналовъ отрывки изъ рѣчи, произнесенной мною 16-го мая на обѣдѣ городскихъ головъ. Здѣсь сказано и подчеркнуто: „власть не тамъ уже, гдѣ она была прежде; власть принадлежитъ намъ, представителямъ народа“. Считаю нужнымъ заявить, что ничего подобнаго я не говорилъ. Содержание моей рѣчи было передано въ № 12 „Руси“ на основаніи подлиннаго документа, и если редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, вмѣсто того, чтобы черпать свои свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника, настойчиво продолжаетъ ссылаться на завѣдомо-искаженный текстъ и дѣлаетъ выписки изъ журнала, гдѣ рядомъ съ превратнымъ изложеніемъ смысла рѣчи говорится, что я за такую смѣлость былъ отставленъ отъ должности и сосланъ въ деревню, то это лишь одинъ изъ тѣхъ обычныхъ газетныхъ приемовъ, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчаются въ извѣстнаго разряда печати. Будучи приглашенъ гостемъ на обѣдъ городскихъ головъ, о чемъ же я могъ говорить, какъ не объ единеніи земскихъ людей въ помощь правительству противъ враговъ общественнаго порядка? Зная наши нравы, я прибавилъ, что враги свободныхъ учрежденій могутъ, пожалуй, усмотрѣть въ этомъ опасность. Тѣ свободныя учрежденія, о которыхъ я говорилъ, это—учрежденія, дарованныя Императоромъ Александромъ II, а кто ихъ враги—всѣ мы знаемъ: это—тѣ, которые ежедневно и неустанно изливаютъ свою злобу на все, что вызвано къ жизни Царемъ-Освободителемъ и что дорого русскому человѣку—на независимый судъ, на земскія учрежденія, на Городовое Положеніе. Я замѣтилъ, что мы можемъ оставаться совершенно равнодушны къ такимъ нареканіямъ, ибо мы знаемъ, что насъ одушевляетъ одно общее чувство: вѣрность престолу, любовь къ отечеству, которое служить намъ связью. Я и теперь не счелъ бы нужнымъ обращать вниманіе на эти пустые газетные толки, если бы я по своему положенію не долженъ былъ имѣть въ виду тотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ еще многочисленный у насъ классъ читателей, который, не смотря на ежедневный опытъ, продолжаетъ добродушно вѣрить всему печатному“.

По поводу высказаннаго „Москов. Вѣд.“ мнѣнія о наступленіи „дворянской эры“, г. Аксаковъ говоритъ въ газетѣ „Русь“:

„Начинать теперь какую-либо новую дворянскую эру, хлопотать объ укрѣпленіи чахнувшей корпораціи, о снабженіи ея привилегіями власти,—это значитъ разъединять то, что готово соединиться, воздвигать взаимную сословную вражду и наносить ударъ тому свободному благотворному воздѣйствію на внутренней земскій строй, къ которому естественнымъ ходомъ исторіи призваны лучшіе дворяне—въ союзѣ со всѣми лучшими земскими людьми. Но опасаться этого нечего. На русской почвѣ сословный аристократизмъ не привьется. Противъ такихъ поползновеній „революціоннаго консерватизма“, по счастливому выраженію Ю. О. Самарина, возстаетъ все благомыслящее, вѣрное своему историческому духу, дворянство... Да и возставать-то не зачѣмъ. Эти вождельнія у насъ не грозны: повождельютъ, повождельютъ наши крупные собственники, да и начнутъ продавать свои родовыя имущества евреямъ-подрядчикамъ, или же своею дворянскою гордостью поступаться чиновной карьерѣ...“

Къ какимъ, однако, послѣдствіямъ ведутъ эти толки о „дворянской эрѣ“, по мнѣнію г. Аксакова, показываетъ извѣстный циркуляръ курляндскаго губернатора Лиліенфельда, о которомъ редакторъ „Руси“ отзывается, что это „такой административный скандалъ, на который у насъ внутри Россіи не отважился бы ни одинъ администраторъ“... Въ той же статьѣ „Руси“ говорится: „Балтійско-нѣмецкая агитація приводитъ губернаторскій циркуляръ въ самый не двусмысленный образъ, печатно и устно, въ прямую связь съ Высочайшими словами, произнесенными Государемъ въ Петровскомъ дворцѣ

въ присутствіи волостныхъ старшинъ“. Рижское Латышское общество, вычеркнувъ г. Лиліенфельда изъ своихъ рядовъ согласно его собственному желанію, постановило возбудить противъ него судебное преслѣдованіе за клевету въ печати. Латышскія общества отправляютъ депутаціи къ Царю. Въ остзейскомъ краѣ разнесся слухъ, что губернаторъ Лиліенфельдъ оставляетъ свой постъ.

— Въ медицинскомъ департаментѣ въ настоящее время организована специальная коммисія для принятія энергическихъ мѣръ противодѣйствія на случай занесенія холерной эпидеміи въ наши порты.

— Въ „Рус. Вѣд.“ пишутъ изъ Петербурга, что тамъ между студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но уроженцевъ одного какого-либо края, вырабатываются отдѣльные уставы сберегательныхъ кассъ взаимнаго вспоможенія каждой своимъ землякамъ. Уставы эти предполагаются быть представлены на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Общества студентовъ будутъ состоять изъ постоянныхъ членовъ (только изъ учащейся молодежи), членовъ-соревнователей и почетныхъ членовъ. Взносы постоянныхъ членовъ должны состоять по уставамъ въ 10 руб. въ годъ, членовъ-соревнователей—25 р. Первые могутъ вносить свои деньги въ кассу не изъ личныхъ суммъ, а изъ средствъ, вырученныхъ отъ литературныхъ вечеровъ и другихъ сборовъ; вторые—этимъ не пользуются и могутъ быть только изъ лицъ, не принадлежащихъ къ кругу молодежи.

— „Новости“ передаютъ, что всѣ аптеки, столичныя и провинціальныя, получили на дняхъ новые списки врачей, куда внесены и женщины-врачи, окончившія курсъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ, какъ имѣющія право, наравнѣ съ мужчинами-врачами, выписывать изъ аптекъ всѣ сильно-дѣйствующія лекарства.

— „Нов. Вр.“ Мы слышали, что въ видахъ достиженія того, чтобы выдаваемая студентамъ въ стипендіи и пособіи казенныя и благотворительныя суммы употреблялись производительно, предполагается занятія студентовъ, получающихъ эти вспоможенія, подвергнуть особому наблюденію и контролю.

— „Новости“ сообщаютъ, что русское археологическое общество опредѣлило издать въ свѣтъ біографію извѣстнаго нашего оріенталиста В. В. Григорьева. Къ составленію этой біографіи уже приступилъ членъ общества г. Веселовскій. Обильные матеріалы, заключающіеся въ бумагахъ и перепискѣ покойнаго и предоставленные въ распоряженіе г. Веселовскаго вдовою покойнаго ученаго, сдѣлаютъ этотъ трудъ весьма интереснымъ.

— Въ той же газетѣ пишутъ, что въ финскихъ селеніяхъ, за послѣднее время, стали появляться такъ-называемые хожалые учителя, обучающіе дѣтей крестьянъ за небольшую плату грамотѣ. Съ этою цѣлью, въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ школъ, дѣти собираются совмѣстно. Во время занятій съ дѣтьми, учитель поочередно содержится семьями, дѣти которыхъ у него обучаются. Какъ это ни странно, но у хожалыхъ учителей дѣти обучаются грамотѣ гораздо скорѣе, чѣмъ въ сельскихъ школахъ, несмотря на скудость учебныхъ пособій при подобномъ обученіи. Между финскими учителями встрѣчаются люди съ довольно хорошимъ образованіемъ. Большинство ихъ, однако, незнакомо съ русскимъ языкомъ. Нѣкоторые изъ хожалыхъ учителей, кромѣ грамоты, обучаютъ дѣтей ремесламъ, но преимуществу, плетенію и жестяному дѣлу.

— „Нов. Вр.“ сообщаетъ, что въ Финляндіи возникаетъ особый печатный органъ для женщинъ, подъ названіемъ „Naisten lehti“ („Газета для женщинъ“). Газету эту будетъ издавать въ г. Куопіо финская писательница Минна Каншъ.

„Новости“ передаютъ, что, по получаемымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, старообрядцы, цѣлое столѣтіе упорно отказывавшіеся отъ послышки своихъ дѣтей въ общія училища и въ земскія школы, въ настоящее время начали посылать своихъ дѣтей, для усовершенствованія въ образованіи, въ народныя училища и земскія школы.

Изъ Люблина въ „Русск. Курьеръ“ пишутъ:—„Здѣсь от-

крывается ремесленное заведение для женщин, которое по своему характеру будет принадлежать къ числу немногих профессиональных школ въ Россіи. Въ заведеніи этомъ теоретически и практически будут преподаваться: портняжное искусство, кройка и шитье бѣлья, изготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, шитье перчатокъ, дамской обуви и переплетное мастерство. Инициативу учрежденія такой, безъ сомнѣнія, полезной школы приняла на себя г-жа Бухачевская.

Академикъ Александровскій готовитъ альбомъ изъ 30 акварелей для поднесенія Государю Императору. Въ альбомѣ вошли портреты наиболее выдающихся представителей бухарской и хивинской миссій, восточныхъ депутацій, посѣтившихъ столицу по случаю священнаго коронаціи Ихъ Величествъ.

Газета „Кавказъ“ сообщаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что А. С. Гуладзе получилъ разрѣшеніе на изданіе въ городѣ Тифлисѣ грузинскаго журнала для дѣтскаго, семейнаго и школьнаго чтенія, подъ названіемъ „Нобати“. Журналъ этотъ—ежемесячный, съ иллюстраціями—начнетъ издаваться съ наступающаго учебнаго года, т. е. съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца.

Та же газета сообщаетъ, что бывшій сотрудникъ журнала „Вѣстникъ“, Н. Д. Канановъ, получилъ дозволеніе издавать на грузинскомъ языкѣ большую ежедневную газету, которая будетъ называться „Моамбе“. (Вѣстникъ).

По словамъ газеты „Эхо“, участь бывшаго интенданта г. Макшеева Всемилостивѣйше облегчена: ему разрѣшено возвратиться изъ ссылки въ Россію, но безъ восстановленія въ правахъ, которыхъ былъ онъ лишенъ по суду.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МЕЖЕВОЙ ВѢСТНИКЪ

СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

межеваго дѣла, геодезіи, кадастра и землевѣденія

выходитъ въ Москвѣ ежемесячно книжками отъ 5 до 10 листовъ.

Условія подписки на 1883 годъ:

Годовая цѣна 8 р. съ пересылкою и доставкою. Для служащихъ въ Межевомъ Вѣдомствѣ допускается разсрочка по третямъ года: къ 15 Декабря 3 р., къ 15 Апрѣля 3 р., къ 15 Сентября 2 р.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ:—въ Управленіи межевою частію, Малая Итальянская, домъ № 18, кв. № 15;—въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцль, Невскій № 11;—въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Москвѣ:—въ редакціи журнала, въ зданіи Межеваго Института. Старая Басманная, (собственно для иногородныхъ);—въ Управленіи Предѣдателя Межевой канцеляріи, въ Кремлѣ, зданіе сената;—въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцль, Петровка, домъ Солодовникова;—въ магазинѣ геодезич. и физич. инструментовъ Гг. Саль и Вернье, Кузнецкій мостъ.

Объявленія

по 20 коп. за полную строку петиита

отъ магазиновъ книжныхъ, инструментальныхъ, писчебумажныхъ, рисовальныхъ и чертежныхъ принадлежностей и др. принимаются: въ конторахъ Л. Метцль и въ типографіи Г. Гисъ въ Москвѣ, Старая Басманная, домъ Мараева. Заграничныя объявленія поступаютъ исключительно черезъ центральную контору объявленій Л. Метцль, въ Москвѣ.

Редакторы-издатели: Н. Юденичъ.

Д. Жарковъ.

1-го іюля вышла и разослана подписчикамъ VII-я,

ЮЛЬСКАЯ, КНИГА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г. — II. Василій Андреевичъ Жуковскій. — III. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. — IV. Звѣздочка на 1826 г. Изданіе А. А. Бестужева и К. О. Рылѣва. — V. Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1831—1845 гг. Глава V: въ Свеаборгской крѣпости, апрѣль—декабрь 1833 г.—VI. Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій, 1778—1827 гг. Очеркъ В. И. Жмакина. — VII. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. Замѣтки одного изъ служившихъ при немъ чиновниковъ. Сообщ. О. А. Р.—VIII. Инноентій, архіепископъ Херсонскій, въ 1854 г. Сообщ. Н. Х. Палаузовъ. — IX. Замѣтки: День кончины Богдана Хмельницкаго.—Хрущовы и Волыскій.—X. Библиографическій листокъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“

изд. 1883 года.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою девять руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года. (Осталось 79 экзмп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Вышла въ свѣтъ книга «ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ», съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками. Книга эта разослана тѣмъ лицамъ, которыя, подписавшись на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1883 г. по 31-е декабря 1882 г., тогда же и не позже выслали 35 коп. на пересылку книги. Прочія лица книгу «ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ» могутъ получить за два руб. съ пересылкою.

Въ редакціи «Русской Старины» можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 и 1882 гг. Цѣна за годъ по ВОСЬМИ руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семева.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

(къ 300-лѣтію СИБИРИ).

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

1882 г.

Цѣна 3 руб.

Подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“, выписывающіе эту книгу черезъ редакцію, пользуются уступкою 20%.

РУССКАЯ ОБЩИНА ВЪ ТЮРЬМѢ И ССЫЛКѢ.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ контору „Восточнаго Обозрѣнія“.

Судъ надъ полковникомъ Сосновскимъ. П. Я. Пясецкаго. Цѣна 75 коп. Изданіе пожертвовано въ пользу Общ. вспомощ. студент. С.-Петербургскаго университета.

Складъ изданія въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», въ книжн. магаз. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., д. 7, и въ конторѣ редакціи „Восточнаго Обозрѣнія“, Надеждинская, д. 19, кв. 32.

Въ Москвѣ въ складѣ при университетской типографіи (Катковъ и Коми.), на Страстномъ бульварѣ.